

Лина Коваль

ЕГО СЕРДЦЕ
РАСТАЕТ

Мой прелед Лёд

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Лина Коваль
Мой препод – Лёд
Серия «Парни Коваль», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70248475

SelfPub; 2024

Аннотация

Лев Демидов, моя первая любовь и главное жизненное разочарование, теперь мой препод. Вау. Как в это поверить?.. Позапрошлой зимой я в буквальном смысле сбила его с ног и... заморозила в сугробе. Хотя горячим этот парень никогда не был. Бездушный. Холодный. Лёд. Просто идеальная глыба льда в деловом костюме и модных очках...Когда Лев Викторович внимательно смотрит на меня в заполненной студентами аудитории, мне хочется немедленно встать и отогреть его сердце. Но я всего лишь первокурсница, которая второй год бережно хранит наш маленький, грязный секрет...История Юли Громовой и Льва Демидова. 100% ХЭ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8. Юля	53
Глава 8.2. Юля	59
Глава 9. Юля	65
Глава 10. Лев Викторович	74
Глава 11. Юлия	82
Глава 12. Юля	90
Глава 13. Юля	97
Глава 14. Юля	105
Глава 15. Юля	111
Глава 16. Юля	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Лина Коваль

Мой препод – Лёд

Глава 1

«Ты сейчас с ума сойдёшь, Громова».

Заканчиваю насилловать заумный парктроник, хватаю телефон с бесцветной подставки и тут же отвечаю Дамиру.

«Только не говори, что семинар отменили?»

Ну, нет.

Не дай Бог такому случиться.

Чтобы добраться до университета в ледяной дождь, мне пришлось вспомнить всё, чему учил сенсей-автоинструктор. Моим новеньким, глянцевым правам всего месяц и водитель я, мягко говоря, никакой... даже я бы сказала, мимимишный – это когда на зеркале заднего вида задорно подёргивается мягкая игрушка, в салоне, как во рту четырнадцатилетнего подростка, пахнет «Бабл-гам», а в каждой непонятной ситуации мне хочется закрыть свои большие глаза ладошками и истошно звать папу на помощь. Но ему, конечно, об этом лучше не знать.

Иначе не видать мне «БМВ»-ласточки как своих ушей.

«Нет. Пары в силе. У нас новый препод».

Прищуриваюсь и строчу ответ:

«Только не говори, что тот Вонючка в цветастом свитере с кафедры».

Дамир щедро отсыпает ржущих смайликов в переписку.

«О, нет. На Вонючку он непохож. Сказать, что я охренел, этот ничего не сказать. Дуй сюда, а я пока скрытые камеры подключу. Уж сильно хочу видеть твоё лицо».

Закатываю глаза и улыбаюсь.

Дамир и Эмиль Алиевы – братья-близнецы и мои лучшие друзья с детства. Правда, Эмиль в архитектурный с нами поступать не стал. Рисовать он никогда не умел, а вот в театральном кружке был главной звездой, поэтому после окончания школы поступил в московский ВГИК, а мы с Дамом остались в нашей провинции, которую я только называю так небрежно, а на самом деле люблю всем сердцем.

Поправляю мягкий чепчик на голове – основной тренд этого сезона, и застёгиваю белый короткий пуховик. Выходя из машины, осматриваю своё отражение в стекле – на лице неброский макияж, губы подведены серо-коричневым карандашом, а волосы светло-каштанового цвета привычно завиваются у кончиков.

– Громова, – слышу знакомый голос. – Задница у тебя зачётная. «Без тебя душа болела, ты пришла, и всё прошло».

Да, блин. Помешались все на этом сериале, что ли?.. И бывший парень туда же.

– Рудаков, – разворачиваюсь и закидываю кожаный рюкзак на плечо. – Моя задница – больше не твоего ума дело.

За своей следи.

– Твоя интереснее, – Алан кидает заинтересованный взгляд на мою короткую юбку и чёрные гетры, едва достигающие до колена. – Я, может, на неё каждую ночь... хмм... В общем, думаю о ней, Громова. Сил никаких нет.

– Придурок, – проговариваю под нос.

– Когда ты уже меня простишь, Юль?..

– Меня мажоры больше не интересуют, – не дожидаясь ответа, отправляюсь со стоянки к главному зданию университета.

– А ты сама-то кто?.. Твой рюкзак по стоимости примерно, как комната в первой общежитии.

Машинально смотрю в сторону того самого общежития и делаю то, за что мама всегда ругает – морщу лоб.

– И что? – отвечаю. – Мне его подарили.

– И ничего, Юлька. Когда ты меня простишь? – упрямо повторяет.

Резко останавливаюсь и смотрю в смазливое лицо, на которое и повелась в сентябре. Подтянутая фигура, пара татуировок на руках, отличное чувство стиля. Честно сказать, даже влюбляться начала.

– Может, извинишься для приличия? – зло проговариваю.

Рудаков ослепительно улыбается. Стоматолог у него неплохой, но меня это больше не интересует.

– «Пацаны не извиняются», – отвечает он подмигивая модной фразочкой.

– Вот и встречайся с пацанами, Рудаков.

– Ну, Юль, – открывает он для меня тяжёлую дверь и пропускает вперёд, а затем помогает снять верхнюю одежду. – Сколько говорить, что те девки были не с нами?..

Стрельнув в него безразличным взглядом, выхватываю пуховик и сдаю его в гардероб.

– Юляш, – тянет сзади Алан, пока идём по коридору.

Возле входа в аудиторию он подцепляет мой локоть, а второй рукой обхватывает талию.

У меня внутри такая злость закипает. Сейчас взорвусь.

Около двух недель назад, в сторис своего лучшего друга Паши Лепса, Рудаков страстно сосался с какой-то гусыней в ночном клубе. На следующий день, в университете даже доска с объявлениями смотрела на меня с жалостью...

А он?

«Пацаны не извиняются»?

Обхватываю металлическую ручку на двери, ведущую в первую римскую аудиторию, и тяну на себя.

– Отвали, Алан, – шиплю сквозь зубы и пытаюсь выбраться из крепкого захвата, резко подаюсь вперёд.

И всё бы прошло гладко... если бы на моём пути не возникла каменная, рельефная грудь, в которую я врезаюсь, и закусываю губу от досады!..

Поднимаю глаза, задерживая дыхание. Моргаю шокировано. Сглатываю образовавшийся ком в горле.

Вспышка, темнота и снова вспышка...

Я могла бы списать очередную встречу, а вернее, очередное столкновение со Львом Демидовым, на видение или странный сон, но мужской древесный аромат в носу такой настоящий и такой... забытый. Вырванный из сердца насильно. Этот запах, настолько распирающий мою душу воспоминаниями двухлетней давности, что мне приходится только часто дышать и рассматривать крупные черты взбешённого лица. И причина для этого быстро находится.

«Проклятый кусок айсберга» опускает многозначительный взгляд на свою уже не белоснежную рубашку, залитую чертёжными чернилами, а затем переводит его чуть выше, на ладонь Рудакова, уютно расположившуюся на моей талии.

Душа замирает в ужасе.

Ловлю ртом воздух и озираюсь, замечая фотовспышку и тупую улыбку Дамира. Кожа на спине покрывается липким потом.

Пытаюсь вымолвить хоть слово, но как рыба открываю рот и закрываю, рассматривая уродливую кляксу на дорогой ткани.

Он... не мог меня не узнать.

Он... не мог меня забыть. Или я вообще в мужчинах ничего не понимаю...

– А это что за голубки?.. – хрипит мужчина низким голосом. – Мало того, что опаздываем, ещё и в обнимку сюда заявляемся?..

Закусываю нижнюю губу, чтобы ни в коем случае не съяз-

вить.

Что он тут делает? В последний раз мы виделись в ночь перед его отъездом. Я пришла к нему, когда узнала, что Демидов по собственному желанию уходит в армию. Рыдала вот на этом широком плече и просила... нет, не просила.

Я умоляла, чтобы он не уезжал... Клялась, что больше не появлюсь. Клялась, что не буду беспокоить. Почему-то в тот момент казалось, что моя жизнь закончена. Душа разрывалась в мелкую никому не нужную крошку.

Мне было всего шестнадцать. В жизни так не ревела и не унижалась, и больше никогда не планирую.

– Простите, – произносит Рудаков. – На улице армагеддон.

– Да? – насмешливо цедит Ледяная глыба и ловким движением поправляет светлые волосы, уложенные в модную причёску. – А вы думаете мы все... – обводит рукой аудиторию, – по подземным ходам, как крысы, до университета добирались?

Сбоку слышатся смешки, а я продолжаю молчать.

Лучше бы пары вёл Вонючка в нелепом свитере.

Вот серьёзно.

– Может... – синие глаза ещё раз внимательно исследуют мою талию, – ... вы прекратите обжиматься и усядетесь по местам?..

– Прости... те, – всё, что могу выговорить.

Отлепляюсь от Рудакова и быстро семеню до третьего ря-

да, где сидит Дамик. Негодование на пару с обидой сжигают душу. Демидов всё такой же... красивый, большой и совершенно невыносимый.

– Сюрприз, – шутит Алиев, изображая пальцами салюты.

– Да уж, – шепчу и выкладываю из рюкзака папку с чертежами.

– Откуда он появился? Я думал, Демидов в Москве. По крайней мере, Мийка так говорила.

– Твоя сестра не может ничего знать о своём бывшем. Они не общаются, Мирон бы не позволил. Да и когда ей, она спала последний раз в прошлом году, – шучу про свою невестку.

– Теперь вы решили пообщаться с другим? – слышу над своей головой.

Поднимаю лицо и не дыша, уставляюсь на мужчину, в которого влюбилась в один зимний солнечный день и вынимала из сердца по шепотке... вместе с кровью.

– Вы с ними двумя встречаетесь? – иронично кривит брови Демидов. Будто бы не замечает, что мне неприятно. – Так сейчас модно?..

– Да как ты смеешь, – цежу сквозь зубы трудно дыша.

– Вы... – поправляет он. – Лев Викторович, – отпускает спокойно, из-под опущенных ресниц снова обводя взглядом аудиторию, словно землевладелец свои угодья. – Это ваше?

Кивает на папку для чертежей и не дождавшись моего ответа, раскрывает её. Внимательно изучает, пока я оскорблённо поправляю подол, и резко захлопывает.

– Надо признаться, Юлия, работы весьма посредственные. Вам бы сделать упор на точность линий и пространственное мышление, – ещё раз стреляет взглядом в Дамира, в Алана, усевшегося на заднюю парту, и перед тем как развернуться добавляет. – Если, конечно, вы здесь ради того, чтобы учиться...

Глава 2

Прикладываю ладони к горящим щекам.

Он... с чего вдруг со мной так разговаривает? Разве я за-
служила?

Пытаюсь прийти в себя, пока наш новый преподаватель по дисциплине «Архитектурно-строительное черчение» знакомится с аудиторией, и рассказывает, как именно будут проходить семинары.

– Лекции тоже он будет вести? – спрашиваю шёпотом у Дамика.

– Нет, только семинары. Лекции за профессором.

Закатываю глаза с облегчением.

Может, повезёт? И зачёт будет принимать тоже профессор?.. Юрий Всеволодовичу Лукину семьдесят пять лет, поэтому семинары всегда ведут подающие надежды аспиранты. Про Демидова я знаю только то, что два года назад он напялил на себя форму и отправился куда-то в Сибирь.

Много было пересудов. Зачем он вообще решил отдать долг Родине? Его отец – бывший мэр нашего города, а нынче довольно успешный сенатор в Совете Федераций, ждал единственного сына в Москве с горяченькой должностью в каком-то строительном комитете при администрации Президента. Ректор нашего университета предложил Демидову продолжить обучение и научную деятельность в аспиранту-

ре здесь, в родном городе.

Лев умный, успешный, здравомыслящий. Ему всегда и везде рады.

А он выбрал кирзовые сапоги и овсянку?

Странно это. Сколько бы ни пыталась что-то выяснить, так и осталась ни с чем.

– Громова, – слышу бархатный голос, который тут же расходится по венам приятными воспоминаниями. – Вы с нами вообще? Мы вам не мешаем?..

Перевожу на симпатичного преподавателя взбешённый взгляд. Нервно улыбаюсь и поправляю волосы. Если не ошибаюсь на потоке около пятидесяти студентов.

Почему он ко мне привязался?

– Правильно ли выбрана техника выполнения чертежа, Юлия? – спрашивает Лев и обводит рисунок на электронной доске с помощью инфракрасной указки.

Усталяюсь прямо перед собой.

О-хо-хо, блин.

Чертёжник из меня, как правильно заметил Мистер Лёд, мягко говоря, никакусенький. От слова «чёрт», по всей видимости. А должно быть как производное от глагола «чертить». В этом-то вся и разница.

Облизываю губы и психую. Выглядеть душой при всём потоке я не привыкла. До сегодняшней лекции в связи с обменом слюной Рудакова и гусыни из клуба, я была просто жертвой абыюза, а сейчас ещё и глупой стала?

В целом, мне на мнение окружающих всегда было... мягко скажем, фиолетово. Но так как в подрыве моего имиджа виноват не кто иной, как Демидов, я начинаю беситься.

– Пра-виль-но, – шепчет Дамир слева, и я уверенно киваю.

Лев Викторович играет шикарными скулами и кидает уничижительный взгляд на моего соседа. Мог бы хотя бы его пощадить. С родной сестрой Дамира Мией Лев и встречался, когда я увидела его в первый раз. Тогда он казался мне кем-то вроде божества. Я влюбилась сразу же. Стояла и хлопала глазами, а он безразлично елозил пальцем по экрану телефона.

– Обоснуйте, Громова, – то, как он складывает руки на груди в замок, замечает вся женская часть аудитории.

Я практически слышу отчётливый стон толпы за своей спиной.

Белая рубашка с уродливой кляксой... Я вас умоляю. Думаете, кто-то вообще её заметил?.. Так вот. Эта белая рубашка натягивается на широких плечах и обрисовывает каждый божественный мускул на сильных руках. Лев за время службы в армии словно ещё шире стал?

Разве преподаватели черчения такими бывают?.. В школе у нас этот предмет вела старая гримза в очках и вязаном пончо.

Я готова чертить пальчиками по этой груди и плечам хоть до скончания века, но вот смотреть на доску и думать никак

не получается.

– Я... – пытаюсь связать хоть пару слов.

– Можно, я отвечу? – тянет руку Галя Мухаметова, наша староста и просто святой человек.

Я ей руки расцелую на перемене.

– Ответьте, – быстро соглашается Лев и смотрит на меня так, будто со мной закончит позже. Но вместе с этим его взгляд отстранённый. Не такой, как раньше... Чужой! Мы с ним чужие, чёрт возьми.

Перевожу дыхание и уставляюсь в тетрадку. Клеточки предательски разъезжаются.

Глаза щиплет от слёз, а рёбра в груди сжимаются, мешая дышать. Вытираю влажные ладони об юбку.

Внутри только два вопроса.

Зачем Лев Демидов вернулся в город и как мне теперь жить?..

Всю оставшуюся пару я глаз с нового препода не свожу, а он... совсем на меня не смотрит.

Бездушный кусок льда.

Демидов расхаживает по аудитории от окна до двери, задаёт вопросы моим однокурсникам, оборачивается к доске. Ведёт себя естественно, уверенно. Периодически убирает ладони в карманы идеально отглаженных серых брюк, затем снова складывает руки на груди и потирает пальцами широкий подбородок. Пару раз сухо улыбается, обнажая ряд идеально ровных белых зубов.

Я словно заворожённая за ним наблюдаю.

Помимо эстетического удовольствия это рождает давно забытое странное волнение под грудью. Должна признаться, у меня сохранилась пара его фотографий, которые я сделала ещё тогда... украдкой и наспех. Но на снимках Лев не улыбается. Просто стоит серьёзный, с прищуренными глазами и сжатыми губами.

Он всегда так на меня смотрел. Будто от меня плохо пахнет или... весь мой облик Демидову противен до жути. Но даже два года назад... в его глазах были эмоции.

А сейчас их нет.

Пусто.

Это отзывается разливающейся болью в груди. Будто ледяным паром обдаёт.

Из всей самой разнообразной палитры существующих чувств на свете – от горячей любви до жаркой ненависти, больше всего меня задевает холодное безразличие.

Его безразличие ко мне.

Именно это я не смогла вынести два года назад. Именно поэтому тот факт, что сын бывшего мэра уехал из города, стал для меня каплей надежды.

Можно было жить дальше... Эгоистично, но альтруисткой я никогда не была...

Мои чувства притупились. Нет, они не исчезли. Просто покрылись синим инеем... Заморозились, словно после анестезии у стоматолога. И что мне делать сейчас, когда внутри

снова больно?.. Когда я снова знаю, что он где-то рядом и у нас есть что-то общее, помимо тайн прошлого...

И пусть «что-то» только лишь воздух, которым мы дышим... Для меня это уже много.

Я больна неизлечимой болезнью и сегодня у меня забрали единственное в мире лекарство... Расстояние с ним.

– Юль, пара закончилась, – до меня доносится голос Дамира. – Ты сейчас домой? Подкинуть тебя?

– Нет, – мотаю головой и наблюдаю, как к столу Льва Викторовича тут же подходят мои однокурсницы Анька Лосева и Лерка Доронина. Последняя выгибается, выпячивает грудь, что-то спрашивает и томно вздыхает.

Усмехаюсь. Почему-то к семидесятипятилетнему профессору у них вопросов никогда не возникало, чуть звонок прозвенел – сразу «давай до свиданья».

– Я за рулем, – произношу и собираю вещи в рюкзак.

– В такую погоду? – недовольно мотает головой Дамир. – Ты сумасшедшая, Громова. И как тебя только дядя Андрей отпустил?

– А он не знает, – задумчиво потираю шею.

– Ох и попадет же тебе, Громыч.

– Не бубни, – бросаю другу и поднимаюсь с места, привлекая к себе внимание преподавателя.

– Юль, – тут же преграждает мне путь Рудаков. – Пожалуйста, одно свидание. Я исправлюсь.

– Я подумаю, – обещаю, потому что вижу, как Лев Викто-

рович выходит из аудитории.

Огибаю своего бывшего парня и расправив юбку быстро семеню ногами.

Я... должна с ним поговорить.

Он просто не может делать вид, что мы не знакомы. Он... ведь всё знает.

Светлый затылок и широкая спина, обёрнутая белой тканью, скрываются за дверью деканата, поэтому я быстро оборачиваю туда же.

Демидов резко оборачивается, и его взгляд снова превращается в равнодушный.

– Выйди, – ровно произносит. – Я тебя не звал.

Озираюсь по сторонам. Слава богу, здесь нет секретаря кафедры и нашего куратора. Мы вообще наконец-то одни, а это значит, что я не обязана быть с ним хорошенькой.

– Ты...

– Вы, Юля, – Лев Викторович меня поправляет. – Соблюдай субординацию, будь добра.

Отшатываюсь, словно не веря, что он способен быть таким жестоким со мной. Он так берёг мои чувства, был таким внимательным. Никогда меня не любил. Но к моей первой любви относился бережно.

Так что изменилось сейчас?..

– Ты, – назло выкрикиваю, так что и за пределами деканата слышно. – Ты, Демидов, обещал, что я больше тебя не увижу.

Сердце противно щиплет, словно на свежую рану соль рассыпали. На свежую рану!..

Два года. Когда уже заживёт?.. Почему я всё ещё реагирую на этого взрослого мужчину, при том, что ухажёров у меня пруд пруди? Зачем вспоминаю наше странное, лишённое всякого смысла, общение?

И то, что нас всегда будет связывать...

– Ты обещал, – обвиняю по-детски.

– Я передумал, – холодно выговаривает Лев, сжимает зубы и кивает на дверь. – А теперь выйди из этого кабинета, Юля, и больше никогда не заходи без стука.

Вопреки жёсткому приказу, подбираюсь к нему ещё ближе. Пытаюсь ухватиться за руку, но он резко отшатывается от меня. В нос проникает древесный аромат, а голова кружится от близости с ним.

Я уже забыла это чувство.

– Ты ко мне приехал, да?

Боже.

В ушах так шумит, что сама не осознаю сколько щенячьей надежды в этом вопросе. Я ведь не хочу вызывать у него жалость, но даже себе сейчас противна.

– Ю-ля, – проговаривает Демидов ровно и поражённо качает головой. – Ю-ля, блядь.

– Что? – выкрикиваю, обнимая себя за плечи.

– Неужели ты не можешь найти кого-нибудь? Почему снова я?.. Чем, блядь, я так в жизни провинился?..

Закусываю губу от обиды.

– Прости, – произношу шёпотом. – Я... – поднимаю глаза к потолку и выталкиваю воздух из лёгких. – Больше такого не повторится.

– Очень на этой надеюсь.

Демидов кидает на меня подозрительный взгляд и усаживается за стол. Раскладывает на его поверхности свои вещи, поправляет блестящие запонки и включает рабочий ноутбук.

– Меня порядком утомили твои приставания, – чеканит он ровным голосом. – Когда тебе было шестнадцать и в свете тех событий – я всё понял. Что-то вроде стокгольмского синдрома. Такое бывает.

– Бывает? – усмехаюсь.

Он что думает... я влюбилась бы в любого?..

– Да, бывает, – красивые черты мужского лица кривятся. – Но прошло два года. Ты вроде как повзрослела, твой брат сказал, что у тебя есть парень.

– Есть.

– Вот и займись им. Если ты и сейчас не дашь мне спокойно жить, придётся принять соответствующие меры.

– Какие, например? – трудно дышу.

– Как вариант, рассказать твоему отцу.

Округляю глаза и мну пальцами края футболки.

– Ты... вы ошибаетесь, Лев Викторович, – произношу как можно ровнее. – Я только хотела сказать, что не надо... шутить надо мной при всём потоке.

Демидов сжимает зубы и кивает.

– Я и не планировал. Наше общение не выйдет за рамки формальностей, Юля.

– Хорошо.

Молча выхожу из деканата, потому что Лев Викторович тут же теряет ко мне интерес, и направляюсь к гардеробу.

– Юль, подумала? – тянет Алан, подступая.

Расправляю плечи.

– Подумала, – отвечаю твёрдо. – Давай своё свидание, Рудаков. И не дай бог тебе ещё хоть раз с кем-нибудь, кроме меня поцеловаться.

Глава 3

– Приятные у тебя духи, Юль, – произносит Рудаков, когда открывает для меня дверь самого модного ресторана в городе.

Мотаю головой и показываю ему, чтобы заходил в здание первым. К моим странностям Алан привык, поэтому легко соглашается.

– Это не духи, Ал, а шампунь моей собаки. Яблочный, кажется. Я мыла Котлетку, как раз перед отъездом, – замечаю весело.

Рудаков разочарованно цокает.

– Могла бы и соврать.

Легко пожимаю плечами. Я стараюсь всегда говорить правду, бояться мне нечего... кроме собственного взбалмошного характера. Жизнь периодически лупит меня грязным веником, а я поднимаюсь, принимаю душ и бегу дальше. Как правило, вприпрыжку.

– Котлетку? – Алан задумчиво потирает щёку.

– Ага, это мой мопс. У него нос похож на котлетку, – сплющиваю свой нос и строю мордочки Рудакову. – Его так Мир называл, мой старший брат.

– Мило, – он тяжело вздыхает и обращается к администратору. – Я бронировал стол на вечер. Рудаков. Вип-обслуживание.

Закатываю глаза. (iD2fFba3 Дочь от лучшего друга) Пожалуй, это основное качество в Алане, которое мне не очень нравится – он весь, словно в скафандре, в вип-мишуре: вип-карта, вип-стол, вип-унитаз, вип-самоомнение.

Это напрягает.

Я с детства росла в достатке, благодаря успешному бизнесу отца и тому, что он умеет тратить деньги. А ещё хранит в секретном месте пин-код от банковской карточки. Это, кстати, наша семейная шутка, но с долей правды.

Моя мама транжира ещё та. Обожает бриллианты и украшения, красивые платья. Ну, а я что-то среднее между родителями. Наверное, с детьми так и бывает.

Нас провожают к столику, окружённому подставками с цветами и длинным бамбуком. Озираюсь по сторонам и усаживаюсь в мягкое кресло. На свидание я осознанно решила не наряжаться, потому как не совсем уверена в том, что стоит продолжать наши отношения с Аланом. Всё-таки он меня предал, а настоящие женщины так быстро не прощают.

Поэтому закрытого черного боди с надписью «я не такая» и синих джинсов с грубыми ботинками для Рудакова вполне достаточно. В качестве белого флага я уложила волосы красивыми волнами и сделала лёгкий мерцающий макияж.

Смотрюсь в отражение блестящей ложки, размещённой на столе, и сама себе киваю. С поведением Рудакова вполне сойдёт.

– Что будешь заказывать, зай? – спрашивает Алан, рас-

крывая меняю.

Пристально рассматриваю частично выбритые брови и модную мужскую стрижку, карие глаза и широкие плечи бывшего парня. Своим поступком он подорвал моё доверие, а значит можно больше не притворяться и не строить из себя «леди на поминках».

Так тому и быть.

– Я буду салат Нисуаз, суп из белых грибов с брускеттами, пожалуйста. Брускетты с маслом, – диктую официанту. – Вот этот средний сет из запечённых роллов... хмм... и два десерта на ваш выбор. И чай «Вишнёвый пунш» – большой чайник, будьте добры.

– Ого, – округляет глаза Рудаков. – Если это месть за клуб и тех девок, скажи сразу, Юль.

Официант, по-моему, нервничает, что не справился с проверочным диктантом, не успел всё записать и получит двойку в дневник, поэтому я ему открыто улыбаюсь. Успокойся, мой хороший.

– Какая ещё месть? – обращаю внимание на своего спутника. – Я просто голодная. Ничего не ела с утра.

– С позавчерашнего? – приподнимает он брови, но в целом принимает моё обжорство спокойно, без истерик.

Смеюсь и свободно откидываюсь на спинку кресла.

За прошедшие два дня я немного успокоилась и свыклась с тем, что теперь буду видеть Мистера Шикарные скульптуры регулярно. В конце концов, жила же я как-то два года без него

и сейчас перебыюсь.

– Ты что, всегда так ешь? – удивлённо спрашивает Рудков. – Почему я раньше не замечал?

– Да, представляешь? – весело смеюсь. – Папа шутит, когда выдаст меня замуж, сразу выкинет второй холодильник и отправит на пенсию одну помощницу по хозяйству.

Перекидываю волосы за плечи и привычно кусаю губы, чтобы они стали поярче, а затем щипаю выступающие щёчки для румянца и замираю, замечая, как внимательно наблюдает за мной Алан. Становясь вдруг серьёзным, он наклоняется и трудно вздыхает.

– Поедем после свидания ко мне, зай? – смотрит мне в глаза.

– К тебе? – нервничаю.

– Ну, да. Ты же хотела увидеть мою коллекцию жестяных банок, помнишь?

Ага, нашёл дурочку. Одна банка у него с собой в кармане брюк, я её ещё в гардеробе заметила.

– Так поедем?

– Не могу, – виновато улыбаюсь. – Надо ведь чертежи сделать.

– Да, кстати, мне тоже. Сделаем вместе?

– Может быть, – пожимаю плечами.

Весь курс активизировался после позавчерашнего семинара.

– Принесла же нелёгкая этого аспиранта, – ругается Алан.

Перед сном я поклялась самой себе, что никогда в жизни больше не назову Демидова по имени без отчества. Превращусь в богиню субординации, ни слова не скажу, кроме тех, что будут касаться архитектурно-строительного черчения.

Клянусь Нисуазом и... одним десертом. И остатками чая.

– Ты про Льва Викторовича? – нахмуриваюсь.

– Ага, про Демидова. Он ведь мог бы в столицу поехать. Папа говорит, ему там Виктор Андреевич хату прикупил на двести квадратов.

– Может, ему аспирантура нужна была? – равнодушно произношу.

Подумаешь, хата... У меня тоже квартира есть. Мамина. Там всего шестьдесят метров, правда, но мне и их достаточно.

– Ага, аспирантура, наивная, – усмехается Рудаков. – Знаешь, чей это ресторан? – озирается.

– Морозова, – киваю. – Мой папа дружит с Робертом Станиславовичем. Мы даже пару раз в отпуск с его семьёй ездили.

– Ну, круто, – кивает Алан. – Так вот, мой отец говорит, Морозов с нашим бывшим мэром скоро породнятся.

Болезненная догадка обухом бьёт по голове. Собираю в себе все силы, чтобы мило улыбнуться и опустить глаза. Аппетит вдруг пропадает, и я отодвигаю тарелку. Хуже того, что он вернулся в город, может быть только новость о его отношениях. Вспоминаю наш разговор в деканате. "Ты ко мне

приехал, да?". Боже. Я идиотка.

– Поняла, Юлька? – добивает меня Рудаков. – Наш чертёжник скоро женится на Дане Морозовой. И аспирантура здесь ни при чём.

Глава 4

Я не знаю в каком Хогвартсе Рудаков заказывал своё VIP-обслуживание, но в эту же самую минуту в зале появляются те, о ком мы в данный момент с упоением сплетничаем.

Мои руки слабеют, вилка выскальзывает и бьётся о тонкий фарфор. Это тут же привлекает ко мне внимание и теперь я чувствую себя в два раза хуже.

Просто чудесно.

– Легки на помине, – кивает Алан в сторону дверного проёма, и я прикрываю глаза от досады. – А посмотрят они неплохо, почти как мы с тобой лет через десять, Юль. Кстати, – он склоняется над столом и заговорщицки понижает голос, – она ведь его старше на три года.

Украдкой наблюдаю за Даной, на Льва Викторовича и посмотреть боюсь. Вдруг расценит это как домогательство и снова будет нести чушь, какой он несчастный, что его любила ненавистная малолетка.

А Морозова?..

Она... хмм... девушка симпатичная. Я бы не назвала её красавицей в полном смысле этого слова, как мама или жена моего брата. Скорее Дана вылепила себя сама, не имея при этом выдающихся природных данных. Как глиняный сосуд.

Её фигура подтянута и спортивна. Грудь небольшая. Зад-

ница подкачена в меру, чуть округлее бы – и уже перебор. Лицо светлое, выбеленное. Возможно, когда-то на нём были веснушки, а сейчас просто идеальная матовая кожа. И никакой ненатуральности. Представить у Даны нарощенные ресницы или дутые «вареники» – нереально. Помнится, как-то на семейном ужине она мне сказала, что, если у неё были такие губы, как у меня, она бы их уменьшила. «Уж слишком похожи на те, за которыми девчонки бегут к косметологам».

Странная такая.

Зачем мне уменьшать собственные губы?.. Я же в своём уме. У Демидова вон тоже пухлые, что-то она его уменьшать не отправляет. Пухлые и... твёрдые, жёсткие. Сама в шоке, что так бывает.

Практически против воли перемещаю взгляд на спутника Морозовой. Пусть он ещё и скулы подсудет. О них же порезаться можно... Не лицо, а говорящий обрубок папы Карло, ей-богу. Но глаза голубые-голубые, бездонные, в обрамлении пушистых светлых ресниц. Красивые сил нет.

Твою мать. Опять, Юль?..

Поворачиваюсь и отпиваю чай, а когда слышу знакомый голос над головой, захлёбываюсь и откашливаюсь.

– Юленька, – тихо смеётся Дана и я чувствую на спине мягкое касание.

Клянусь Котлеткой это ладонь Морозовой.

Вряд ли Демидов в здравом уме до меня дотронется. Как бы мне этого ни хотелось. Его прикосновения и горячие по-

целуи – отпечатались болезненным клеймом на сердце. Навсегда.

Нет... Ничего предосудительного Лев Викторович со мной не делал. Мне было шестнадцать, да и смысл не в возрасте, а в том, что этот мужчина в чёрном строгом пальто и тёмно-синих модных брюках вообще никогда не делает чего-то выходящего за рамки приличий.

Он чопорный, до жути воспитанный, правильный... Как говорит мой отец – Демидов парень с понятными целями и верными ориентирами по жизни.

А ещё Лев Викторович красивый... Красивый-красивый... Такой, что слюнки текут.

– Юль, – снова зовёт меня Дана. – Ты с нами?

– Да, – смотрю на Рудакова. – Всё в порядке. Здравствуй-те, – цепляю взглядом мужские часы с объёмным циферблатом и длинные пальцы, сжимающие чёрное кожаное портмоне.

– Ты чего не позвонила? – продолжает Морозова. – Не сказала, что приедешь? Я бы договорилась, чтобы вас на мой счет записали.

– Зачем? Я в состоянии заплатить за свою девушку, – произносит самодовольно Рудаков, и я в шаге оттого, чтобы наступить ему на ногу под столом.

– Боже, как это мило, ты видишь, Лев? – обращается к нашему преподавателю. – У них свидание.

– Ты закончила здесь, Дан? – спрашивает Демидов равно-

душно и поправляет воротник-стойку на пальто.

Она ослепительно улыбается, словно он ей комплимент сделал.

– Да, конечно. Может, ребятам компанию составим?

– А что? – весь подбирается и становится важным Рудаков. – Давайте, конечно. Мы подвинемся. Да ведь, Юль?

Неопределённо пожимаю плечами.

Да и со стороны Демидова неслышно радостных ликований и улюлюканий. Опускаю голову и незаметно улыбаюсь. Интересно, он хотя бы в детстве чему-то радовался? Или сразу с кожаным портмоне родился? В голове вдруг возникает образ маленького, хмурого мальчика, которого мне непременно хочется обнять и пожалеть. Но это ровно до того момента, пока я не слышу следующие слова, сказанные хладнокровно:

– Пообедаем в другом месте. Здесь... слишком душно.

– Душно? – удивляется Дана. – У папы установлена система кондиционирования, да и помещение мы с ним выбирали современной застройки, с хорошей вентиляцией.

– Я не сомневаюсь в твоём профессионализме, ты первоклассный риелтор, – вдруг тепло улыбается Демидов и... я мысленно проклиная своё решение пойти на свидание с Рудаковым.

По-моему, близятся времена, когда я дальше дома вообще выходить не буду.

– Ты что... – подозрительно сужает глаза Морозова и тут

же расцветает как чёртова сакура весной. – Просто хочешь пообщаться тет-а-тет?..

Лев Викторович сцепляет руки за спиной и раскачивается на пятках.

– Здесь свидание. Не будем мешать, – произносит равнодушно.

Ему всё равно. И всегда так было.

Просто в один момент... стало меня жаль.

Сжимаю руки в кулаки под столом и терзаю губы, стараясь не разрыдаться.

– Да и правильно, – меняет положение тела Алан. – Мы скоро всё равно с Юлей ко мне домой поедem. Решили вместе подготовиться к вашему семинару.

Рудаков панибратски подмигивает Льву Викторовичу. Он-то про субординацию тоже, по всей видимости, не в курсе.

– Ого. Ты у них преподаёшь? – наблюдаю, как тощая рука с идеальным френчем ложится на широкое плечо.

– Да. Лев Викторович наш преподаватель, – отвечает за Демидова мой спутник.

Внимание Даны вдруг переключается на меня.

– Юль, у тебя всё нормально?

– Да, – поспешно проговариваю и задираю голову, чтобы на секунду заглянуть в синее море ледяных глаз.

Словно холодным паром обдаёт.

– Тогда действительно. Не будем мешать вам, прогуляем-

ся и найдём место, где тебе будет не душно, Лев. Пока, – прощается девушка.

– Всего хорошего, – произносит наш преподаватель, окинув беглым взглядом содержимое стола и скептически кричит рот. – Занимайтесь активнее.

Ошеломлённо наблюдаю за удаляющейся широкой спиной.

Даже в свои восемнадцать лет, я понимаю, человеческая жизнь – это постоянный анализ собственных ошибок, а я, как оказалось, снова заблуждалась. Потому как помимо неприятных моментов, что подтянутая задница Льва Викторовича Демидова спустя два года снова катапультировалась в нашей провинции и у него при этом отношения с взрослой, адекватной девушкой, есть ещё одно обстоятельство, разрывающее душу.

Это тотальное и бескомпромиссное безразличие ко мне...

Глава 5

Лев Викторович

– Здесь не душно? – спрашивает Дана, хитро улыбаясь. – Я сразу поняла, что ты не хочешь обедать со своими студентами. Отлично тебя понимаю и поддерживаю.

Скептически приподнимаю брови, внимательно наблюдая, как она расправляет и без того идеально отглаженную блузку, и снова перемещаю взгляд в пластиковое меню.

Хоть кто-то меня понимает.

– Выбрал?

– Ага, – киваю и диктую только что подошедшему официанту. – Я буду борщ и два горячих – медальоны на подушке из картофельного пюре и стейк с овощами. Хлебную корзинку и американо сразу. И... – подумав добавляю, – вместо салата роллы – вот эти с шапочкой.

– Роллы? – усмехается Морозова. – Ты же их терпеть не можешь.

Кидаю на неё предупредительный взгляд, киваю официанту и откидываюсь на спинку мягкого дивана. Долгожданная тишина.

– А вообще... вау, Демидов, – восхищённо продолжает Дана. – Всё время поражаюсь твоему аппетиту.

– Эти мышцы надо кормить.

– Ну да, – она осматривает мои плечи и закусывает ниж-

нюю губу.

Намеренно оставляю флирт без внимания и устало прикрываю глаза.

Возвращаясь в родной город, я выбрал из двух зол самое меньшее и до сих пор уверен в том, что в Москве было бы в разы поганее. Золотые оковы с детства терпеть не могу, а столица сама по себе никогда меня не привлекала.

Вот только не покидает ощущение, что гораздо проще было остаться в Новосибирске и начать жизнь с чистого листа... Место для прохождения аспирантуры можно было найти и там, но с материалом для диссертации пришлось бы покрутиться.

Так получилось, что к двадцати пяти годам в моей жизни совершенно нет ничего незыблемого. Во всём мире нет такого человека, который мог бы задержать меня в определённом месте.

И вряд ли когда-то появится.

Отворачиваюсь, осматриваясь по сторонам. В обеденное время здесь практически никого, этим мне провинция и нравится. Помимо голода испытываю непреодолимое желание заехать в спортзал и постараться разгрузить мозг хорошей тренировкой с железом.

Спорт – это то, чем я занимаюсь вне зависимости от дислокации.

– А как, кстати, учится Юлька? – спрашивает Дана, скулающе разглядывает свой маникюр.

– Какая? – поднимаю голову и прищуриваюсь.

– Ну, Громова, мы только, что видели её у моего папы в ресторане.

– Всё... понял, – растираю шею сзади. – Судя по тому, что я видел, не очень она учится. Почему не пошла на дизайн – не понимаю.

– Жалко мне её, – произносит задумчиво Морозова.

С раздражением откладываю телефон в сторону. Издевательство какое-то с этой малолеткой.

– Что не так? – отстранённо спрашиваю.

– Странная она. Папа дружит с её отцом, и мы... особенно раньше, когда я была помладше, ездили отдыхать все вместе. Юлька всегда такая была весёлая, непосредственная... Улыбчивая.

– На грустную она и сейчас непохожа. Сидит себе в ресторане с мажором.

– Да... Но пару лет назад с ней что-то произошло, словно сломали её напополам... Не такая стала. С тех пор мы почти не общаемся, но знаю, что Юля никогда не ночует вне дома... Поэтому Громовы отдыхать больше не ездят.

– Может, просто с вами не хотят? – усмехаюсь.

– Нет, – качает головой Дана. – С ней что-то случилось. Кстати, ты ведь знаешь Мирона, её брата?

Тяжело вздыхаю, тем самым выдавая себя.

– То есть я тут болтаю, а ты больше меня знаешь? – смеётся Дана и чуть наклоняется. – Расскажи мне всё. Очень

интересно.

Молча наблюдаю как официант расставляет тарелки и беру в руки салфетку с приборами. Хочется закончить разговор как можно быстрее, но зная Морозову – просто так она не отстанет.

– Ничего не закономерного с твоей Юлей не произошло.

– В смысле?

– Сама она во всём виновата. Идиотка. Мозгов ноль, – отвечаю со злостью, которая вдруг восстаёт откуда-то из глубины, прорывает давно заброшенную в душе плотину. – Если та ситуация её хоть немного чему-то научила, то я рад. Действительно, рад. Значит, слава богу что всё случилось и она хоть что-то поняла...

Жестковато и, наверное, не стоило... Но я и правда так считаю.

– Ого. Так что случилось-то? Её что... хм-м... – наклоняется Дана над столом, и с ужасом шепчет. – Изнасиловали?

Плотину сносит к херам и даже берега размывает. Сжимаю ложку в руках и сужаю глаза, из-за стиснутых зубов чувствую резкую боль в челюсти.

– Ты меня на обед посплетничать звала, – цежу. – Так надо было сразу сказать, я бы отказался.

– Нет, что ты?.. – неловко смеётся Морозова. – Ладно, закрыли тему, Лев. Лучше расскажи, как тебе твоя новая квартира? Всё устраивает?

Расслабиться и поесть не получается, поэтому с сожалением

нием отодвигаю тарелку.

– Нормально. Соседи немного шумные. Всё-таки о том, что там маленький ребёнок надо предупреждать. Орёт без умолку.

– Странно, что хозяин об этом умолчал. Я, как твой агент по недвижимости, приношу свои извинения. Заеду к тебе вечером, чтобы пообщаться с соседями и, если что, подыщем тебе новую квартиру. Хорошо?

– Обязательно заедь, – киваю. – А по поводу смены дислокации... вряд ли. Не планирую задерживаться в городе больше, чем на год, поэтому думаю в этом нет никакого смысла.

Глава 6

Следующие две недели проходят под моё внутреннее нытьё, которое слышу только я и бедная Котлетка. Искренне верю, что собаки улавливают наши мысли и, если они им не нравятся, начинают громко лаять, цепляться за ноги или делать какие-нибудь «неприятные» вещи.

Слушая мои мысли о преподавателе по черчению, Котлетка всё чаще скулит и пристраивается у меня под боком, чтобы подбодрить.

Моя ласковая, умная девочка!

Лев Викторович на парах старательно делает вид, что место подо мной пустует, а я веду себя ниже воды, тише травы.

Теперь я в каждой высокой фигуре, идущей по коридору университета, вижу его. Широкие бугристые плечи, светлый затылок и ровную осанку. А ещё повсюду мерещится древесный аромат мужской туалетной воды.

Наваждение какое-то.

При этом наши отношения с моим бывшим, Рудаковым, словно на новый уровень вышли. Видимо, интуитивно я пытаюсь себя занять и поэтому Алан вдруг видится безумно милым. Правда, заниматься черчением у него в квартире я так и не решилась.

Не знаю, смогу ли...

Вообще, я не ханжа, а очень современная.

Меня с детства воспитывали так, что при слове «секс» я не краснела, и уж точно не отворачивалась, когда на экране телевизора начинались поцелуи. Перед школой мама рассказала мне «лайтовую» версию о любви и отношениях, а в тринадцать лет, после того как начались месячные – более правдивую. Без пестиков, тычинок и жезлов, называя половые органы своими именами, мама донесла до меня, что в сексе нет ничего ужасного, а отношение многих людей к нему основывается на их комплексах и негативном опыте.

Секс – это про любовь.

Секс – это про истинное удовольствие от отношений с любимым человеком.

Если спишь с нелюбимым – удовольствия в несколько раз меньше. Ну и предохраняться надо, естественно.

Вот те немногие истины, которые я тогда усвоила.

Вряд ли в ближайшее время я дождусь кого-то минимально похожего на холодного взрослого блондина с отсутствующим взглядом, поэтому на полном серьёзе рассматриваю вариант перевести отношения с Аланом на новый уровень. Сексуально-раскрепощённый.

Рудаков тоже проявляет ко мне повышенный интерес. Приглашает на свидания, кормит булочками в университетской столовой и постоянно пошло шутит. Например, в библиотеке про то, что «одинокая библиотекарша мечтает, чтобы читатель забрал её домой, и вернул через десять дней потрёпанной».

Я в ответ смеюсь и краснею.

Правда, страшно боюсь. Потому что определённый негативный опыт, к сожалению, тоже имеется.

Субботним днём внезапно начинает температурить Котлетка. Мопсы не очень привередливая порода в плане ухода, но из-за строения мордочки часто болеют простудными заболеваниями. Заводчица при покупке меня предупреждала, но мне так понравился этот маленький, мягкий комочек, что я слушала вполуха. Сердце уже сделало свой выбор.

Вечером я пытаюсь связаться с ветеринарной клиникой. Потом вспоминая о ледяном взгляде преподавателя по черчению, прикладываю кубики льда к складочкам на холке и внутренней стороне бедра, чтобы сбавить жар. А ещё плачу навзрыд над Котлеткой, потому что она уже сутки не ходила в туалет по-маленькому. Наконец-то, удаётся оформить запись к врачу наутро, поэтому быстро умываюсь, облачаюсь в любимую шелковую пижаму и укладываюсь под одеяло.

Свет, как обычно, оставляю включённым.

А ночью снова снится один из тех кошмаров, которые преследуют меня последние два года.

Нет. Не каждую ночь.

Только когда что-то напомним о той ночи или как сегодня — кто-то напомним.

Во сне я опять судорожно хватаю телефон из сумки и пытаюсь быть тихой. Первый контакт в телефонной книге — "Айсберг". Так я в шутку записала Демидова в ночь, когда

мы играли в детективов, и пытались выяснить, кто строит козни Мийке.

– Лёва, Лёвочка, помоги, – прохрипела я в трубку и тут же разрыдалась. Мне было всего шестнадцать...

Тихо не вышло... Но главное, он меня услышал. И приехал. Это не укладывается у меня в голове. Он приехал!..

За два года мне снилось разное – что Демидов не взял трубку или взял, но послал меня далеко и надолго. Что у меня сел телефон и он не смог отследить геолокацию. Что он не нашёл тот особняк в лесу. Что он всё-таки добрался, но было поздно...

Десятки различных сценариев... О том, как вышло на самом деле, мне и думать страшно...

Промаявшись до восьми утра, тщательно собираюсь и одеваю Котлетку в свитер. Натягиваю ей смешную, парадно-выходную повязку. Накидываю на плечи пальто, и стараюсь не шуметь и не привлекать внимания, выбираюсь из дома.

Котлетку размещаю в переноску, пристёгнутую к заднему дивану, а сама усаживаюсь за руль. Проверяю зеркала и завожу бесшумный двигатель.

– Боишься, Котлетка? – спрашиваю, оборачиваюсь к собаке, а потом снова смотрю на дорогу. – Не ссы, доедем... Скользко, правда.

Потираю подбородок и опять задумчиво оборачиваюсь.

– Хотя лучше ссы, – разрешаю больной. – Может, хоть от

испуга у тебя получится...

Кивнув самой себе, выезжаю на дорогу и пытаюсь сориентироваться, как именно лучше добраться до центра. Из-за ночных переживаний из головы вылетают все карты города.

Мозг активируется только когда я нечаянно (то бишь не специально, ну, вы поняли – прим. Авт.) сбиваю бампером ограждение и понимаю, что еду напрямик в огромную яму, по всей видимости, вырытую накануне рабочими. Машины подкидывает на кочке, и она по ледяной поверхности устремляется вперёд, а я как ненормальная отчаянно жму на тормоз изо всех сил, приговаривая:

– Мамочки, мамочки, пожалуйста, только не это.

Когда подъезжаю к обрыву и замираю ровно в миллиметре от него, все слова заканчиваются. Просто истошно воплю и боясь ослабить ногу, пытаюсь дотянуться до телефона, который подскочил, когда я словно кегли сбивала ограждения, и улетел на резиновый коврик перед пассажирским креслом.

Пальчиком кое-как снимаю блокировку. Папе звонить не вариант – останусь пешеходом до скончания века.

Пытаюсь найти телефон брата, но никак не выходит листать ленту с контактами. Проклятые разработчики «БМВ» и айфонов.

Закусив губу, жму на первый контакт, который так и не решилась удалить за два года. Подумаешь, попрошу, чтобы Демидов набрал Мирону, а тот меня спасёт.

Только и всего. Правда?..

Длинные гудки действуют на нервы, и я практически начинаю плакать, но тут же победное ликую, когда слышу в трубке холодное:

– Да, Юля.

Вау! У него тоже есть мой номер. Пока пытаюсь сдержать улыбку.

– Лев Викторович, мне нужна ваша помощь., – хриплю, сжимая руль крепче.

Почему-то представляю, как именно он закатывает глаза и взбешено дышит, и теперь точно улыбаюсь.

– И почему я не удивлён, Юля?..

Глава 7

– Что у тебя случилось? – спрашивает Демидов тихо.

– Вы можете позвонить Миرونу, пожалуйста, – закусываю губу.

В трубке слышится какой-то шорох и звук заведённого двигателя.

– А за проезд тебе не передать, Юль? – усмехается он.

– Я серьёзно. Пожалуйста, я о большем не прошу, – обращаюсь к телефону, лежащему на резиновом коврикe.

Возможно, в моём голосе он вновь слышит отчаяние, поэтому интересуется:

– И что ему передать? Где ты на этот раз?

– Я тут сглупила. Самую малость.

– Да ладно?..

Котлетка рычит. Не нравится ей ироничный окрас бархатного тембра.

– На объездной, недалеко от заправки, где вывеска «Ремонт дороги».

– Ты... в порядке?

– Ну... это как посмотреть, – вдыхая тяжело

Демидов отключается без каких-либо предупреждений, а я так и остаюсь сидеть, сжимая руль. Невоспитанный такой. А ещё препод!

– Такие дела, Котлетка, – жалуясь собаке. – Ты главное –

не отчаивайся, Мир нас обязательно спасёт. Он нас любит, в отличие от некоторых душнил.

Время идёт медленно-медленно.

Руки и нога на педали довольно быстро затекают, и я начинаю переживать ещё сильнее. Всё это происходит ровно до тех пор, пока в окне не мелькает что-то белоснежное.

Это же...

Распахиваю в изумлении рот, понимая, что это мой преподаватель собственной персоной. Лев Викторович открывает водительскую дверь и обжигает взглядом задранную юбку, я же виновато пожимаю плечами. Руки-то у меня заняты.

– В чём проблема, Юля? – спрашивает он, вновь и вновь проверяя моё тело на целостность.

Я, в свою очередь, тоже с удовольствием осматриваю размашистые плечи и лёгкую небритость на его лице. Взгляд застревает в районе расстёгнутой верхней пуговицы на его рубашке.

Быстро нахожусь и отворачиваюсь.

– Не заметила ограждения, – каюсь.

Лев Викторович кивает, задумчиво смотрит на капот и огибает открытую дверь. Его пятая точка просто создана для классических брюк с отутюженными стрелками. Я клянусь. Это смотрится так залипательно, что я не сразу слышу его слова.

– Ты здесь ещё развернуться смогла бы при желании, –

произносит спокойно. – До котлована метр.

– Метр? – вскрикиваю и выглядываю из-за руля.

Неужели, у меня настолько плохо с пространственными вычислениями? У главного чертёжника в моей жизни этот же самый вопрос на лице.

Смущаюсь.

– Включай заднюю скорость и плавно нажимай на газ, – приказывает он ровным голосом.

Киваю многократно и осторожно убираю одну руку с руля.

– Только не перепутай скорости, – добавляет.

Закатываю глаза. Я что, совсем идиотка, что ли?

Сдаю немного назад и заглушив машину, выбираюсь наружу. Одёргиваю юбку и подпрыгиваю, чтобы размять затёкшую ногу.

Украдкой наблюдаю, как Лев Викторович склоняется над бампером.

– Там всё плохо? – спрашиваю отворачиваясь.

Так легче услышать правду.

– Смотря что считать плохим, Юля.

– Ну... нужен ремонт? Эвакуатор? – с ужасом округляю глаза.

– Мне кажется, достаточно будет полировки, обойдётся без эвакуации на этот раз, – произносит, поднимая на меня равнодушный взгляд. – Возле автозаправки есть мойка.

Кивает на противоположную сторону дороги.

Мнусь на месте, раздумывая. Приём у ветеринара совсем

скоро, но и ехать в город с покоцанным бампером, а потом самой искать автомойку – не вариант.

Вдруг папу встречу? Секир башка будет.

– Можно вас попросить... подбросить меня до центра? – прищуриваюсь и склоняю голову набок.

*

– Что это? – спрашивает Лев Викторович подозрительно.

Широкие скулы на мрачном лице кривятся, а чёрные очки съезжают на нос. В сочетании с белой рубашкой это всё смотрится по-голливудски.

– Моя собака, – отвечаю, гордо встряхнув волосами.

– Если она уделает мне салон, я...

– Её зовут Котлетка, – не даю договорить угрозу и показываю своему преподавателю мопса с розовым бантиком на шее. – И она вся в меня. А воспитанность – моё второе я, между прочим.

– Третье, – слышу тихое ворчание.

– Что?

– Твоё второе я – это внимательность, Юля. Сама говорила. Значит, воспитанность – третье!

Разместив питомца на заднем сидении, смущённо прикрываю дверь и широченной улыбкой озаряю полусонную провинциальную улицу.

Он помнит! Боже, боже!

Два года прошло, а Лев Викторович Демидов всё помнит!

Усаживаюсь рядом, засветив новые чулки, и тут же чопор-

но выправляю юбку.

– Может и третье, но...

– Твою мать, грёбаная псина, – пугаюсь грозного рыка и тут же оборачиваюсь.

В ужасе прикрываю рот.

Упс. Кажется, Котлетке слишком понравился мой препод! С одной стороны я даже рада, что у неё всё получилось с мочеиспусканием, но предусмотрительно молчу. Это было бы невежливо по отношению к педагогу.

А вот кто-то и не пытается быть вежливым.

– Выкидывай её отсюда на хрен, – цедит Демидов.

Перевожу взгляд за окно, на пустынную трассу. Странное сегодня воскресенье. Ну хоть машину к вечеру отполируют. Может, такси вызвать?..

– Ладно, мы вместе уйдём, – поднимаю руки в извинительном жесте и открываю дверь.

Демидов молча наблюдает, как я забираю Котлетку и прощаюсь:

– Спасибо Вам, Лев Викторович за помощь и за кров для нас с Котлеткой. Пусть и временный.

С лёгкостью хлопаю дверью Мерседеса и озираюсь по сторонам. Вечно я попадаю туда, где вообще не должна была оказаться. В микроскопической сумочке, которая всё это время болталась у меня на животе, отыскиваю свой телефон, бережно изъятый из «БМВ», и пытаюсь загрузить приложение с поиском такси. Котлетка, кажется, путём опорожнения

на дорогом кожаном диване чудом исцелилась.

– Сядь в машину, – слышу строгий приказ.

Поднимаю глаза на открытое окно внедорожника.

– Мы сами доберёмся, не переживайте, Лев Викторович.

Поезжайте спокойно по вашим делам.

Разворачиваюсь и бодро шагаю по гравию, чувствуя себя очень правильной и до невозможности волевым человеком. Но чуть замедляюсь, когда вижу впереди, за автозаправкой стаю бездомных собак.

Чёрт.

Демидов тоже замечает этот безусловный «козырь» и тут же его использует, загоняя меня в тупик:

– Десять секунд, Юля. И я уезжаю, а ты оставайся, раз жизнь так ничему тебя и не научила.

Обжигаю его горящим взглядом.

Это нечестно. Неправильно ему вот так кидать мне это в лицо. Он же всё знает... он там был и видел всё своими глазами.

– Пять секунд, – кидает препод небрежно и снимает тёмные очки.

Ладно.

Кинув короткий взгляд на собак, сжимаю в руках Котлетку и усаживаюсь на переднее сидение вместе с ней.

– Только потому, что Котлетке угрожала смерть...

– Ага...

– И вообще, разве можно быть таким жестоким?

– О чём ты, Юля?

– Ну, как вы отнеслись к больному животному, – киваю на мопса, – или ко мне, когда... намекаете на прошлое.

Лев Викторович равнодушно отворачивается и вальяжно устраивается в кресле. А я только больше распаляюсь.

– Так ведь нельзя. Ну, правда. «Человечность определяется не по тому, как мы обращаемся с другими людьми. Человечность определяется по тому, как мы обращаемся с животными». Слышали? Хотя откуда?..

Молчит.

Немного ошарашенно наблюдаю, как Демидов водит длинными, красивыми (разве у него может быть что-то некрасивое?) пальцами по мультимедийному экрану и включает музыку на минимальную громкость. Это, наверное, чтоб меня было неслышно.

Невозможный мужчина, хоть и симпатичный.

– Это, между прочим, Чак Паланик в «Призраках» написал. Человек уважаемый, образованный и всесторонне развитый.

Награждаюсь скептическим взглядом, который подогревает меня и дальше продолжать монолог.

– Животные – тоже живые существа, Лев Викторович. Котлетка вчера весь день температурила. Простудилась немного и в туалет не могла сходить, – краснею от красноречия. – Да... конечно, я понимаю. Это печально, что она сделала "это"... в вашей машине. Но у меня есть деньги.

– Пфф...

– А что вы так реагируете? Они не отцовские, не переживайте. Я сама заработала. Делала заказ для одной женщины, у которой умер муж. Ей нужен был их общий портрет...

– Твою мать, – слышу я справа и снова вздрагиваю, когда Лев Викторович бьёт по рулю.

Ругается под нос неприличными словами.

– Что? – пугаюсь.

Взгляд синих глаз затрагивает сначала бантик на голове Котлетки, потом мои коленки и замирает на секунду на лице в районе раскрытых губ.

– Какая же ты Юлька-мозгоклюйка!..

Глава 8. Юля

Утро следующего дня начинается с того, что я больше всего терпеть не могу – я проспала!

Вспомнив, что первой парой у нас ненавистный семинар по черчению, начинаю носиться по дому, как угорелая. Чищу зубы и завязываю волосы в узел на макушке. Нахожу первый попавшийся джинсовый сарафан и глухое боди под него.

На макияж времени нет, но он мне и не нужен. Вместо этого трачу десять минут на то, что пытаюсь запихнуть лекарство в Котлетку.

– Проспала? – спрашивает папа, с улыбкой наблюдая, как я заталкиваю в себя бутерброд на скорость и пытаюсь застегнуть кожаный рюкзак.

– Угу.

На несколько секунд зависнув, рассматриваю безупречно отглаженную домработницей рубашку и гладко выбритое сосредоточенное лицо. Как он собран и как всегда аккуратен...

Блин.

Правильно говорят, что девочки тянутся к типуажу, похожему на отца, потому что кого-то мне этот занудно-элегантный прикид напоминает.

– Что смотришь? – приподнимает папа брови и усмехается. – У меня зубная паста на щеке?

– Не-е-т, пап.

Он всегда идеально выглядит.

Мама может вляпаться куда-то. И в прямом, и в переносном смысле.

Как и я же.

Но это неплохо. Она всегда говорит, что такие, как мы с ней нужны для того, чтобы, во-первых, красивые мужчины, вроде папы, хотя бы иногда возвращались с работы домой и спали на уютной постели, и, во-вторых, для радости в их скучной и размеренной жизни.

Интересно, а кто у Льва Викторовича для радости? Морозова?

Морщусь.

Какая скучная и пресная «радость». Неудивительно, что Лыдинка такой замороженный и холодный.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает отец внимательно за мной наблюдая. – Голова не болит?.. К врачу на следующей неделе?..

– Да всё нормально у меня, пап, – мотаю головой и отпиваю из стакана яблочный сок. – В универ опаздываю.

– Сам тебя отвезу.

Вспоминаю вчерашнее утро. Пожалуй, пока на улице ранняя весна лучше повременить с водительским дебютом. Перенесём мою премьеру хотя бы на апрель.

– Было бы неплохо, – отвечаю и бегу в прихожую одеваться.

На улице сегодня ещё морознее, чем вчера, поэтому снова

счастливого улыбаюсь своему решению и усаживаюсь рядом с папой.

– Как дела в университете? – спрашивает он, выезжая из нашего коттеджного посёлка.

– Как обычно.

– Всё успеваешь? – кидает на меня короткий взгляд. – Не пожалела?

Сжимаю зубы.

– Нет, пап.

Потом немного расслабляюсь. В конце концов, никто из не виноват... А родители – это люди, которые два года терпят все мои капризы и ни разу не пошли против. Даже когда дело касалось выбора учебного заведения, и я решила прицепиться хвостиком к Дамиру и поступать в наш Арх.

Большие шумные компании, новые знакомства и незнакомые помещения – это то, что я вычеркнула из жизни после того, что случилось.

Только проверенные люди, безопасность и комфорт.

Тогда мне спокойнее и голова почти не беспокоит.

Несмотря на утренние пробки до университета добираемся довольно быстро. Папа паркует «БМВ» вдоль дороги и нажимает на кнопку центрального замка, поворачивается ко мне и улыбается:

– Хорошего дня, Юль. Обрати попроси Марата тебя забрать.

Киваю. Водитель отца до того, как я настояла на своей

машине, несколько лет возил меня в школу и обратно.

Подхватываю рюкзак, но тут же снова поворачиваюсь к отцу.

– Кстати, ты знаешь, что Лев Демидов вернулся в город? – спрашиваю отстранённо.

– Хм... Знаю.

– Откуда? – пытаюсь по внешнему виду определить его отношение к моему преподавателю.

Отец спокойно отвечает:

– Он звонил мне несколько месяцев назад.

– Зачем?

Папа кивает на здание университета.

– Ты, кажется, опаздывала? – иронично выговаривает и становится серьёзным. – Хорошего дня, Юлия. Береги себя.

– Спасибо, – фыркаю в ответ и гордо выбираюсь из машины.

Бегу по заснеженной аллее, поднимаюсь по лесенкам и залетаю в абсолютно пустой холл. Раздевшись в гардеробе, одёргиваю сарафан, закидываю на плечо рюкзак и подкрадываюсь к аудитории.

Прислонившись горячей щекой к холодной поверхности двери, слушаю монотонный бархатный голос, от которого внутри мурашки табуном расходятся.

– Современный чертёж – это не просто картинка и схематичный набросок. Это отражение динамических нагрузок и воздействий на опоры и перекрытия, прогнозирование по-

ведения конструкций при различных условиях... Современный чертёж – это ещё и указание к построению детали на трёхмерном принтере.

В аудитории идеальная тишина, поэтому речь Демидова отчётливая и понятная.

– Древний человек оставлял первые чертежи на стенах пещер, а сегодня это не просто рисунок – это квинтэссенция инженерной мысли и эволюции человечества. На самом деле, всё что я вам рассказываю, это очень интересно...

Прыскаю от смеха. Умрёшь от того, как увлекательно.

Ну до чего серьёзный и умный, этот красивый чертёжник. «Чертежи – интересно». Закатываю глаза и продолжаю подслушивать:

– Возможно, материал, читаемый на лекциях Юрием Всеволодовичем, вам не заходит из-за большого объёма сухой информации, но я постараюсь сделать семинары полезными и понятными...

Так, хватит.

Робко стучусь в дверь и по привычке пытаюсь унять надвигающуюся дрожь перед встречей с ним.

– Здравствуйте, Лев Викторович, – хриплю, осматривая высокую фигуру в сером деловом костюме.

В аудитории тут же начинается гул. Кто-то перешёптывается, кто-то отвечает на звонок или лезет в сумку. В общем, как обычно.

Демидов делает поворот головы и сужает глаза.

Вчера он любезно довёз нас с Котлеткой до ветеринарной клиники. Я вышла из «Мерседеса», тихо его поблагодарив, а пока шёл приём и врач осматривал больную, думала и гадала – ждёт ли препод меня рядом с входом, чтобы увезти обратно к автомойке?..

Увы.

Стоянка оказалась пустой, а мы с моей собакой и назначенным курсом антибиотиков, отправились в путешествие до трассы на такси.

– Можно войти? – спрашиваю и закусываю нижнюю губу.

– Войдите, – кивает Демидов и складывает руки на широкой груди, внимательно за мной наблюдая, как его тёзка, царь зверей, за добычей.

На шее словно металлические кольца стягиваются. Проходя мимо трибуны, за которой он стоит, ощущаю знакомый древесный аромат и слышу тихое:

– Видимо, пунктуальность – не твоё второе я, Юля.

*

дочитаем остаток семинара по черчению завтра

Глава 8.2. Юля

Пропускаю мимо ушей сказанную мне колкость.

Зачем он меня всё время цепляет? Нравится ему, что ли? И надо было мне опоздать именно на черчение. На следующей неделе проснусь в пять утра или вообще ложиться не буду.

Алан поднимается и тепло мне улыбнувшись, кивает на лавку. Усаживаюсь на своё привычное место – между двух знакомых мне людей.

– Привет, – шепчет Дамир и сразу отворачивается, чтобы снова не получить очередное замечание.

– Мог бы и позвонить, с завтрашнего дня буду с тобой ездить, – сквозь зубы проговариваю, не сводя глаз со светлой макушки Льва Викторовича, который что-то рисует на доске мелом какие-то обозначения.

Перевожу взгляд спину и чуть ниже, на аккуратную задницу, прикрытую тканью пиджака. Демидов... большой. Очень. Но совсем не толстый, я бы даже сказала весьма стройный, просто плечи немного шире привычного.

Алан прислоняется к моему уху щекой, заставляя меня почувствовать неловкость.

– Наши клуши, – кивает назад. – Перед парой сказали, что видели его вчера, – теперь указывает подбородком на спину препода.

– Где? – замираю.

Демидов поворачивается и поправляет аккуратно уложенные волосы. Улыбаюсь, потому что хочется непременно его взъерошить... Поставить хоть одну пометку на его внешнюю и, я почему-то уверена, внутреннюю идеальность.

Снова поставить на него кляксу, что ли.

– Так где видели-то? – нахмуриваюсь и перевожу взгляд на своего парня.

Быстро осматриваю его лицо. Смешную бровь с серьгой, ярко-серые глаза, высветленные кончики «ёжика» на голове, ещё одно серебряное кольцо в ухе.

Здесь помарок хоть отбавляй.

– В салоне нижнего белья на набережной, помнишь такой? На углу возле кофейни. Вернее, в примерочной.

По инерции перевожу взгляд на «клуш», в такт жующих жвачку на задней парте, и пытаюсь скрыть жгучее разочарование за неловкой улыбкой.

– И ты им веришь? – усмехаюсь. – У них такие длинные ресницы, что они ничего не видят.

– Так, а что здесь не верить, зай? Говорю тебе – скоро свадьба.

Облизываю вмиг пересохшие губы. Зачем-то начинаю представлять Демидова с Морозовой в тесной примерочной. Лицо словно горячим паром обдаёт. Вряд ли они занимались классическим сексом. В том салоне примерочные величиной с плюшевый домик моей Котлетки.

Я не ханжа, но мне неприятно представлять его, трахающим «идеальный», в отличии от моего, рот. Хотя сама картинка меня так заводит, что внизу живота разливается приятное тепло. Интересно, сколько в этом всё для него удовольствия? Он её любит или... просто хочет? И внизу... он такой же большой? Столько вопросов... и никакой надежды на ответы.

Откашливаюсь громко.

Демидов тут же обращает на меня внимание и сужает глаза.

– Технический чертеж... – пытаюсь вникнуть в смысл слов, которыми преподаватель сопровождает выведение иероглифов на доске, – ... ассоциируется как сложный и многогранный вид рисунка с непонятными обозначениями. На самом деле, он всегда простой и доступный. Обозначения как раз и нужны для того, чтобы максимально упростить контент и обычный человек мог спокойно их прочесть.

Озираюсь по сторонам.

На окнах болтаются тонкие занавески, на выкрашенных в жёлтый цвет стенах размещены плакаты с правилами пожарной безопасности, а старый линолеум поскрипывает под ногами у выступающего.

Голос Демидова убаюкивает, действует на мою психику как транквилизаторы, которые я некоторое время принимала. Эффект был тот же – успокаивающий и будто бы отпускающий чувство страха.

Я всегда немного взвинчена. Напряжена. Даже сидя на лекции между Дамиром и Аланом. Ведь в аудитории помимо нас ещё чуть меньше пятидесяти человек, большая часть из которых – лица мужского пола.

Это не оборзевшие, обдолбанные мажоры. Но всё же...

Снова смотрю на молодого мужчину перед собой, словно вышедшего из старого итальянского кино...

Салон нижнего белья и примерочные вяжутся со Львом Викторовичем также, как кружок макраме со мной. То есть вообще, чёрт возьми, не вяжутся... Жуткая смысловая тавтология.

– Ближайшие две недели мы с вами будем работать над вашими проектами. Я поделю вас на группы и выдам техническое задание, – разместив руки на трибуне, воодушевлённо сообщает чертёжник. – Чтобы у вас была мотивация, открою секрет. Университет выделил бюджет на поездку в Московский музей архитектуры. Поэтому группы будем дробить по количеству мест – четыре человека.

– Галчонок, – смешно выговаривает Алан нашей старосте. – Ты чур с нами в команде. Рыба моя.

Весь поток начинает ржать, а я тепло улыбаюсь Гале. Девчонка она простая и справедливая, живёт в общежитии, а главное относится ко всем доброжелательно.

– И правда, Галь, – предлагаю. – Давай, нам как раз четвёртого не хватает.

– Да, я не против, – отвечает она, тут же пересаживаясь

к нам за парту.

Немного подумав, робко поднимаю руку. Аудитория наполняется шумом и смешками.

– Да, Юлия, – кивает Лев Викторович, снимая пиджак и размещая его на стуле.

Зависаю, рассматривая, как он разминает крепкую шею и втянув и без того плоский живот, проверяет заправлена ли в брюки бледно-голубая рубашка сзади.

– Вы можете выбрать в нашу команду ещё одного человека, – предлагаю, озираясь.

– Почему?

Опускаю взгляд и слегка краснею.

– Будет обидно, что место пропадёт. Я всё равно никуда не поеду, – отвечаю упрямо. – Тем более... так далеко, в Москву.

Демидов задумчиво потирает подбородок и резко уводит в сторону взгляд, а когда возвращает его на меня, в синих глазах такой сумасшедший шторм, что меня с ног сбивает. Он... злится? На меня? Не знаю, но вижу, что крупные кулаки сжимаются, когда он невозмутимо продолжает разговор.

– Вам совершенно не зачем переживать, Юлия. Поездка будет одним днём. Утром – вылет. Вечером вернёмся в город. Спать будете дома, – обводит взглядом аудиторию. – Все до одного.

– Но... – пытаюсь возразить.

– Всё в порядке, Юля, – настаивает и кивком указывает,

чтобы я села.

Падаю на своё место и изумлённо наблюдаю, как он спешно, широким шагом покидает аудиторию.

Зацепляю взглядом тетрадь и ручку, вытираю влажные ладони о сарафан и глядя на закрывшуюся за Демидовым дверь, пытаюсь прийти в себя.

А чуть позже меня озаряет одна въедливая мысль. Откуда, чёрт возьми, он знает, про мой страх ночевать вне дома?..

Глава 9. Юля

Закусив губу, упорно чищу картошку. Получается не очень, но уж страшно хочется помочь Мие, жене моего брата.

Три месяца назад у них родилась дочка – маленький кричащий комоч по имени Таисия Мироновна, и теперь мы по очереди навещаем молодых родителей, чтобы чем-нибудь помочь.

Усмехаюсь. В общем, «причиняем добро».

Просто мне кажется, что Мие мы только мешаем, но она мило улыбается и пытается быть со мной и мамой вежливой.

– Проснулись? – спрашиваю, когда вижу в дверном проёме девушку с ребёнком на руках.

Она улыбается.

– Ага. Спутала день с ночью. Спит и спит, ночью будет кричать на весь дом, а завтра утром у Мирона важный экзамен.

Мой брат тоже учится в Архе. Вернее, в этом году его заканчивает.

– Так может, Мир к нам поедет? Чтобы выспаться.

Мия нахмуривается и гладит животик у дочери, одетой в розовый комбинезончик.

– Зачем к вам?

– Ну как... сама ведь говоришь, не высыпается, – проговариваю и приступаю к резке картофеля.

– Переживёт, не сахарный, – пожимает плечами жена моего брата.

Я вдруг чувствую, что сказала глупость.

– Извини, если обидела. Я, правда, не вижу в этом ничего такого, – признаюсь честно.

Мия машет рукой, показывая, что совершенно на меня не обижается.

– Выйдешь замуж, узнаешь, Юлька, – заговорщицки подмигивает. Я тут же успокаиваюсь. – Если муж едет ночевать куда-то, какие бы обстоятельства ни были – это уже не семья.

– Почему? – хмыкаю.

– Потому что дети – это навсегда. Сегодня они кричат, завтра у Таи будут резаться зубки, потом, не дай бог конечно, простынет, да куча ещё всего предстоит. Подростком будет – домой поздно явится. Что ж сейчас, при каждом случае к родителям спать бежать?.. Она же наша общая дочь.

Теперь я пожимаю плечами.

Странно. Подумаешь, один день. Ладно, как говорится, не мне их судить. У меня-то отношений в жизни кот наплакал.

– С лапшой? – спрашиваю, киваю на плиту, где уже доваривается куриный бульон.

– Да, можно с лапшой. Спасибо, Юлька. Ты настоящий друг.

Заливаюсь краской и широко улыбаюсь. Так получилось, что у меня практически нет друзей, кроме братьев Алиевых. Как-то со школы не задалось, класс был недружный. Пожа-

луй, Мия и есть моя лучшая подруга.

Отодвинув стул со скрипом, поднимаюсь с места и отправляю картофель в кастрюлю.

– Какая ты стройная, Юлька? – восхищенно проговаривает Мия, изучая мой короткий топ с длинными рукавами. – Тростиночка наша. И когда я приведу себя в порядок?

– Да ты и так похудела, – киваю на её фигуру, скрытую под тонким халатиком.

– Да уж, конечно. А как у тебя здоровье? Головные боли не беспокоят?

Резко вздыхаю и закатываю глаза.

– Выключи Мамаситу, Мия, – со смешком выговариваю, но твердо. – У меня всё нормально.

– Прости, – она деликатно откашливается и опускает взгляд на мирно спящую дочку. – Я не со зла. Беспокоюсь о тебе, Юль.

– Совершенно незачем.

– Ты больше не ходишь к психологу?

– Нет, не вижу смысла.

– Ясно... Может, сменить специалиста?

– Нет.

– Прости ещё раз.

Киваю и помешиваю суп.

– Да, всё нормально, – оборачиваюсь и упираюсь поясницей в столешницу. – Мия, можно задать тебе вопрос?

– Конечно. Ещё спрашиваешь.

– Обещай, что никому не расскажешь? Это секрет.

– Кому? – усмехается она. – Тае? Или молокоотсосу?

Разводит руками.

– Мирону, например...

– Миру? – задумывается. – Он в последнее время, кроме фирмы своей, и диплома ничего не замечает, – фыркает. – Поэтому думаю, даже если ему что-то рассказать, он пропустит мимо ушей.

– Ладно, – киваю и опускаю взгляд на свои ноги, облаченные в тонкие легинсы и белые короткие носочки. – Я хотела спросить, про Льва... – морщусь и упрямо договариваю, – Викторовича.

На кухне вдруг становится тихо, только суп булькает в кастрюле.

– Про Лёву? – взгляд Мии из полусонно-безразличного превращается в цепкий и внимательный.

– Угу, – потираю шею сзади.

Конечно, она всё поймёт. Ну и пусть. Невыносимо носить это в себе одной.

– Что именно про него? – она непонимающе мотает головой.

– Ты же с ним... ну... встречалась? – закусываю губу.

– Было дело. Только при Мироне не вспоминай, – усмехается, поднимаясь. – Рука отсохла, капец.

– Не буду при нём вспоминать... А у вас... всё серьёзно было?

– Что ты имеешь в виду? И зачем?

Мия укладывает Таю в небольшую люльку, отделанную белым кружевом, поправляет халат на груди и снова смотрит на меня. Делает паузу, подозрительно сужая глаза.

Словно натянутая струна напрягаюсь.

– О нет, Юль. Только не говори, что...

Чёрт. Что ж так сложно-то?...

Резко отворачиваюсь к кастрюле и тут же ошпариваюсь, отскакивая. Трясу рукой как ненормальная, боль сносит всю защиту.

Всхлипываю от боли, благодаря Бога за то, что у меня есть легальная причина пореветь.

Мия обнимает сзади, голос становится мягче.

– Вы такие разные, Юлька. Я даже не знаю, чем тебя утешить. Он такой взрослый, огромный. Не представляю вас вместе. Что-то несовместимое.

Рушит все мои надежды. А что я хотела?... Я и сама всё это знаю, но сердцу не прикажешь.

– Он ведь не женится на Морозовой? – спрашиваю с надеждой, понимая, как жалко звучит мой голос.

– Морозова, которая Дана? Хм-м. В первый раз слышу. А они встречаются?

– Не знаю, – шмыгаю носом.

– По типу, конечно, они идеально друг другу подходят. Злюсь.

– А ты не ревнуешь его к ней? – спрашиваю, поворачивая

голову.

– С ума сошла такое спрашивать? – смеется Мия. – Слышал бы тебя твой брат.

– А что такого-то? Как его вообще можно не любить? – мечтательно произношу.

– Мирона?

– Льва Викторовича, вообще-то.

Мия горестно вздыхает и отмахивается.

– Лёва... у нас толком и не было ничего. Мир ведь у меня первый был. А Демидов? Такой собранный, всегда застегнут на все пуговицы, постоянно говорит о репутации. Я так понимаю, там воспитанием занимался наш бывший мэр лично. С мамой Лев много лет не общается. Да и с семьёй отца и мачехой у него что-то не ладилось.

Боже.

Теперь я представляю маленького светловолосого мальчика, в рубашке с глухим воротником. Ребёнка, которого никто не любит с самого детства и так грустно становится. Ещё хуже, чем было.

– Юлька, может это пройдёт? – размещает Мия ладони у меня на плечах и разворачивает к себе.

Заглядывает в увлажненные слезами глаза.

– Да уж быстрее бы, – ворчу, закусывая губу.

– Погоди... это у вас ещё с того случая, два года назад? – нахмуривается и у неё во взгляде мелькает ужас. – Юля, он что к тебе приставал тогда? У вас что-то было?

– Не-ет, – быстро выпутываюсь и убегаю к окну. – Совсем что ли? – прижимаю ладони к горящим щекам и опускаю глаза.

Входная дверь с грохотом закрывается и через секунду слышится голос моего брата:

– Девчо-о-онки, папа дома.

– Мы на кухне, – кричит ему Мия, а сама глаз с меня не спускает. – Юль...

– О-о, у нас Юлька, – весело проговаривает брат. – Таська спит? Что ночью будем делать?

– Водиться, конечно, – фыркает Мия.

– И то правда. Чем ещё нам заниматься? – усмехается Мир.

В отражении стекла смотрю, как брат обнимает жену и нежно целует в губы, она обвивает его шею и льнёт к нему, как Котлетка ко мне. Становится немного неудобно, что я подглядываю. А ещё, если честно, чуточку завидно...

Обнимаю сама себя и поглаживаю плечи.

Брат откашливается, прежде чем начать:

– Как...

– Если спросишь, как моё здоровье, я напичкаю твою машину Тайкиными памперсами, – рывкаю. – Использованными, чтоб ты задохнулся.

Мирон присвистывает и вижу, как молча кивает Мие. Мол, что это с ней? Его жена пожимает плечами.

С меня хватит.

– Пережарка на сковородке, лапшу сами добавите. Я ушла.

Разворачиваюсь и хватаю толстовку со стула. В прихожей пытаюсь отыскать свою сумку. С кухни доносится отчетливый шепот.

Что со мной происходит? На Мира всех собак спустила. Вообще-то, я брата люблю. Это безусловно мой самый близкий человек.

Во всём виноват Демидов. Чтоб ему пусто было.

– Пока, Юлька, – выглядывает Мия в коридор. – И спасибо за суп.

– Пожалста, – бурчу под нос.

– Позвони мне завтра, – многозначительно приподнимает брови. Машет рукой.

Обнимаю ручку на двери, чувствуя внутри неприятное жжение. Надо с Миром всё же попрощаться.

– Стопэ, психушка, – слышу бас за спиной, и облегченно вздыхаю, когда краем глаза вижу, как брат подцепляет куртку с вешалки. – Погоди. Я сам тебя отвезу.

*

Дорогие читатели! На моем телеграм-канале "Лина Коваль. Автор" (linakoval23) вы можете найти фото и видеовизуализацию Юли и Льва, а также я размещаю график выхода продолжений, спойлеры к главам и провожу розыгрыши среди участников.

Приходите, буду рада. На мой взгляд процессники так чи-

татъ гораздо интереснее.

Глава 10. Лев Викторович

Проснувшись по будильнику, вскакиваю с кровати и по привычке, внимательно озираясь по сторонам, заправляю постель.

Несмотря на то, что вчера перед сном пришлось выпить немного вина за компанию с Даной, голова у меня ясная, а в теле чувствуется небывалая лёгкость. Открыв встроенный в стену шкаф, извлекаю черный спортивный костюм и чистые носки.

Посматривая на улицу, натягиваю штаны на задницу и протираю заросшую щеку. Застегиваю замок на олимпийке.

Дальнейшее моё утро отлажено по минутам.

В лифте разминаю шею и неодобрительно поглядываю на целующуюся парочку лет двадцати. Лучше места не нашли? Сдержанно здороваюсь с консьержем и выбравшись на свежий воздух, начинаю разминаться.

Кайф.

Наушники во время тренировки – страшная ошибка бегунов, которая ничего хорошего не сулит. И дело не в том, что человек не слышит окружающие его звуки автомобилей или светофоров. Просто у каждого организма собственный ритм, который из-за музыки сбивается, плюсом сложнее следить за частотой дыхания, да и ясность из головы пропадает. А оно мне надо?

Бегу по стандартному маршруту.

Тротуар вдоль дороги.

Узкая лесная тропинка.

Дорожка вокруг местного озера в парке.

Дальше тренировка на снарядах и обратный путь до дома.

Из всего, что успел привить мне отец с детства, больше всего я уважаю умение жить в графике. Особенно это качество помогает последние два года. Я не зануда (по крайней мере, в классическом определении этого слова) и, естественно, в отпуске могу поспать подольше, почитать у бассейна или как вчера вечером, выпить вина в приятной компании для того, чтобы окончательно расслабиться после рабочего дня.

В лифт, как назло, набивается какая-то делегация, поэтому я терпеливо жду, когда они уедут и спокойно поднимаюсь на двенадцатый этаж один.

Главное, что мне чуждо – толпа. Здесь с Юлей Громовой мы похожи.

Морщусь, вспоминая о девочке.

Её уникальная возможность находить разные неприятности своей задницей, вызывает у меня недоумение и искреннюю злость, которую хочется непременно вывалить на неё же.

А ещё Громова постоянно на меня смотрит.

Сверлит своими зелёными глазищами, будто ждёт от меня чего-то конкретного, как бывает с пожилыми попутчиками

в поезде. И тут главное – не отвечать взглядом на взгляд. Совсем. Не дай бог ответишь и до самого приезда будешь слушать про «семеро внуков и подорожавшее молоко».

Брр. Себе дороже будет.

Принимаю душ, бреюсь и, обмотав бедра полотенцем, отправляюсь на кухню. На телефон еле слышной вибрацией сыпятся уведомления, которые я тут же просматриваю. В конце артиллерии активных ссылок голосовое сообщение от Даны:

– Привет, Лёв. Выспался? Извини, я вчера немного перебрала, но, надеюсь, тебе всё понравилось, – проговаривает она бодрым, но чуть-чуть застенчивым голосом, за которым слышится звук проезжающей машины. – Кстати, я отправила тебе список ресторанов. Выбери тот, что понравится. И договоримся о встрече.

Отвечаю сухое: «Ок», следом прилетает еще одно голосовое:

– Встретимся вечером?

Печатаю:

«У меня зал сегодня. Давай на днях».

Отложив телефон на стол, открываю дверь холодильника, чтобы достать контейнер с завтраком, приготовленный с вечера. Пока ем его, проверяю почту.

Спустя ровно двадцать пять минут полностью собранный спускаюсь на парковку и пытаюсь не завалить костюм, усаживаюсь в грязную тачку, которая ужасно раздражает. Нет

ничего хуже ранней весны.

– Лев Викторович, вы как всегда пунктуальны, – встречает меня секретарь нашей кафедры, когда я захожу в деканат ровно за десять минут до начала рабочего дня. – У нас проблема.

– Доброе утро, – здороваюсь и убираю в шкаф пальто.

Вопросов не задаю. По её лицу и так понятно, что сейчас она вывалит на меня из таза всё своё негодование, а я буду небрежно стряхивать его с плеч и успокаивать её.

– Вы сказали студентов для поездки в Москву будет четверо. А документы сдали только трое. Надо освоить бюджет, срочно кого-то добавить в группу. Вы же знаете, что деньги зависнут, Лев Викторович? Их потом никак не вытянуть со спецсчета. И что мы будем делать в конце года?

Сжимаю зубы, снова не спрашивая кого именно не хватает, и спокойно проговариваю:

– Первый курс сейчас учится?

– Да, у них Академический рисунок с самого утра.

– Сходите к ним. Четвертая в списке – Громова. Пусть сдаст свои документы.

– Хорошо, спасибо.

Ольга Николаевна убегает, а я нажимаю кнопку на кофеварке, включаю компьютер и, усевшись в кресло, делаю несколько поворотов корпусом. До пар я обычно занимаюсь диссертацией и сегодняшний день не исключение. Это единственное время, когда можно сделать это спокойно – основ-

ная часть преподавателей появляются ко второй паре. А работу домой я брать не привык.

– Лев Викторович, – залетает обратно секретарь и держась за правый бок, пытается отдышаться. – Я же вам не молоденькая дамочка – бегать. Громова сказала, что она не летит никуда.

Это не девка, а смерть с косой до пояса. Клянусь.

Сужаю глаза, просчитывая варианты. Её умение зарывать голову в песок злит неимоверно.

– Вы же сейчас в ректорат пойдете на линейку? – спрашиваю, поглядывая на часы.

– Ну да.

– Загляните по пути ещё раз, пожалуйста. Напомните, Юлие... Андреевне, что по моей дисциплине ей нужна оценка в зачётку. Подведет вас – оценки не будет, – потираю бровь. – И пересдачи, кстати, тоже.

– Спасибо, Лев Викторович, – облегченно вздыхает Ольга Николаевна. – Ох, уж эта молодежь. Никуда не хотят от своих телефонов. Бесплатно в Москву – лети, пожалуйста. А она носом воротит...

Стараясь не обращать внимания на бурчание и закрывающуюся дверь, загружаю файл с научной статьей и пытаюсь сконцентрироваться на материале. Тема моей диссертации не очень сложная, но тесно связанная с мэрией – «Формирование архитектуры пешеходных торговых улиц в малых и средних городах». Делаю пометку в ежедневнике созвонить-

ся с приёмной администрации. Затем фиксирую в ежедневник список необходимой литературы.

Спустя несколько минут, слышу грохот, от которого, кажется, стекла на окнах как следует вздрогнули.

Поднимаю глаза.

– Лев Викторович, это как понимать вообще? – практически визжит Громова.

Морщусь от ультразвука, излучаемого из её губ в поллица, и бегло прохожусь по ней взглядом. Среднего роста, худая, высокие скулы, гладкие волосы цвета молочного шоколада, про губы уже сказал.

– Выйди, – киваю на дверь, отпивая кофе. – И постучись.

– Вы... надо мной издеваетесь? – Юлия нервно натягивает рукава длинной водолазки на ладони, заламывает руки и уставляется на меня, как на привидение.

– Нет. Ты должна была постучаться, – ровно отвечаю, разминая затекшую шею.

Она сжимает кулаки и рычит в потолок зверем, но послушно разворачивается на подошве ботинок и гордо удаляется. Её талия между краем водолазки и поясом джинсов такая узкая, что я наверняка мог бы обхватить её двумя ладонями.

Мои пространственные вычисления прекращает оглушительный стук двери. Такой, что у меня кофе в стакане, как от землетрясения покачивается.

Истеричка малолетняя. Я ведь ей не папаша и не брат. С

хера ли она так себя ведёт?..

Спустя три секунды слышу издевательски долгий стук.

– Да, – громко отвечаю.

– Можно войти? – спрашивает она заглядывая.

– Нет.

– В смысле нет? – ошарашенно на меня смотрит.

– Нельзя. Я занят, Юля. Ты знаешь, что это такое? Когда человек бывает занят? Или в твоей жизни все по первому зову бегут с тобой разговаривать и... спасать?

Девчонка старается не зареветь.

– Если ты про поездку, то я уже все передал секретарю. Сдай паспорт и собирай вещи.

– Но я не хочу, – кричат она, придерживая дверь. – Это что преступление?

– Нет, Юля, – отвечаю ей спокойно. – Это. Не. Преступление. Но ты все равно поедешь, это обязательное мероприятие для группы. Выиграли вы только благодаря работе одного человека – вашей старосте. Поэтому поездка в музей будет вам всем на пользу.

– Пожалуйста. Я не хочу, – отвечает она с обидой и кусает губы.

– Меня это не интересует, – отворачиваюсь к экрану и пересохраняю файл для редактирования.

Оборзела совсем вконец.

Повезло же её парню. У этого мажора дырка-свист в голове величиной с Плутон, но это совершенно не моё дело. Не

касается. У нас с Юлей Громовой настолько разные жизни, что когда они, не дай бог, пересекаются, непременно случается апокалипсис и вселенское зло.

Поэтому стойко выдерживаю обстрел сверкающих глаз и даже не смотрю в её сторону.

– Как я вас ненавижу, – наконец выкрикивает мелкая, горько всхлипывая, и еще раз здорово хлопнув дверью, убеждает.

Пф-ф, девочка. Ну, и ненавидь, – думаю про себя. – Так даже лучше.

Усмехнувшись, приступаю к работе...

Глава 11. Юлия

– А давайте на Красную площадь? – предлагает Галя с горящими глазами и тут же сконфуженно отворачивается. – Я в Москве впервые, уж очень хочется там побывать.

– Дерёвня, – ёрничает Дамир, в последний раз кидая взгляд на здание музея.

Пихаю его в левый бок как следует. Нашёлся мне столичный мачо.

– Только без Мавзолея, – смеется Алан и покрепче сжимает мою ладонь своей пятерней. – Я мумий боюсь.

Дружно хохочем.

Мне восемнадцать, а на мне теплый короткий пуховик, джинсы-трубы, удобные кроссовки на платформе и лаковый рюкзачок за плечом. Рядом – мой парень и Дамир, мой лучший друг.

И нам предстоит целый день в Москве.

Вау.

Радостно вдыхаю немного морозный, вкусный воздух. Всё-таки жизнь прекрасна.

– Я не против Красной площади, – пожимаю плечами. – Тем более что самолёт вечером, чем-то же надо заниматься. Поэтому давайте найдём метро и прокатимся, чтобы показать Гале главную достопримечательность.

– Окей, – от бархатного голоса вдоль позвоночника кат-

ком проносится холодок. — Я тоже не против.

Перекидываемся с Аланом многозначительными взглядами.

Он что? Решил с нами весь день провести?

Мы искренне надеялись, что после экскурсии по музею, которая, кстати, действительно оказалась очень полезной, Лев Викторович сошлётся на неотложные дела или запланированные встречи и оставит нас самостоятельно бродить по Москве.

В тот момент, когда я, выходя из деканата, мысленно прищепила дверью сомнение Демидова, вот именно тогда, я решила — пусть он делает, что хочет, я больше не буду заглядывать ему в рот и тратить свою жизнь на мечты о нём.

За долгое ожидание в ночном аэропорту, ранний перелёт до Москвы, дорогу до музея и довольно продолжительную экскурсию, я не сказала Льву Викторовичу ни слова. Клянусь, даже не смотрела в его сторону. Почти.

Но его это обстоятельство абсолютно не смущает.

Он ведет себя, как обычно. Будто бы каждой клеточке этого сильного, красивого мужчины совершенно всё равно, что Юлька Громова дует на него губы.

Треклятый ледышка.

— Как ты малыш? — спрашивает Алан, придвигаясь ко мне ближе.

В вагоне метро не очень много людей, поэтому я чувствую себя вполне комфортно. Даже на секунду воображаю, что на-

конец-то стала нормальной. Такой же, как была до шестнадцати.

Вертихвосткой, как говорил папа.

А мама сравнивала меня с ручейком, который всегда найдет дорогу. Сквозь камень просочится и во всех ситуациях найдет выход. Вот только увы, оказалось – не во всех. И бывают такие камни – беспринципные, мерзкие отморозки, которым всё можно. Они ломают тебя, трогают и пытаются отхватить кусок пожирнее.

Настоящие убийцы ручейков. И надежд...

– Ты чего? Побледнела вся, – нахмуривается Рудаков.

– Всё хорошо, – улыбаюсь, заглядывая в искрящиеся теплом глаза своего парня.

Вот уж кто точно не будет грустить и рассуждать о камнях.

Алан склоняется над моим лицом и целует так, словно внутри меня разливается теплый чай с медом. Приторно и нежно.

Отвечаю на поцелуй, сталкиваясь с влажным языком и помимо сладкого облака пушистой ваты в груди, чувствую на макушке колкий, тяжелый взгляд.

– Давайте будем держать себя в руках, – молотком бьёт в затылок голос Демидова.

Замораживает душу. Сознание леденит.

– Всё нормально, Лев Викторович, – неохотно отстраняется Алан и глядя поверх моей головы хрипловато продолжает. – Не удержался.

Обнимаю его покрепче и дышу в вырез куртки, пытаюсь отогреться.

Доехав до нужной станции, выбираемся из метро и идём на площадь. Людей вокруг становится всё больше, но я стараюсь отвлекаться. То на легкое поглаживание своей ладони Рудаковым, то на высокую фигуру в черной парке, шагающую прямо передо мной.

Ох.

Лишь бы на ноги ему не наступить.

– Нравится в Москве, зай? – спрашивает Алан.

– Нет так чтобы очень, –жимаю плечами. – Жить бы здесь ни за что не хотела.

– А я бы хотела, – мечтательно произносит Галя.

– Тебя здесь сожрут, Галчонок, – усмехается Дамир. – Столица. Выживает сильнейший.

Ох. Тогда точно мне здесь делать нечего.

– Город как город, – поворачивается к нам Демидов и я практически врезаюсь в преподавателя.

Придержав меня за локоть, он будто бы мазком проходит по моим чуть обветренным губам и смотрит прямо в глаза.

Поспешно отвожу взгляд и сглатываю ком в горле.

– Ни лучше, ни хуже, – договаривает он равнодушно, словно в этом мире нет ни одного даже крохотного уголка, в котором Льву Викторовичу было бы чуть приятнее, чем «нормально».

Наконец-то добравшись до площади, Галя просит Дами-

ра её сфотографировать, а Алан тут же начинает записывать видео для соцсетей.

Сложив руки на груди, наблюдаю за ними и не сразу замечаю, что стою не одна. Нервно поправляю причёску.

– Может, хватит дуться Юля?..

Поворачиваю голову вправо и быстро прохожусь взглядом по светлым волосам, острым скулам и широкому гладко выбритому подбородку.

Снова смотрю на ребят и машу рукой своему парню, когда он наводит камеру на меня. Позирую, выгибаясь и так и сяк.

– Зай, передай привет нашим, – Алан входит в раж, кружась с телефоном.

Всеми силами пытаюсь выбраться из вакуума, который будто бы накрыл нас с Демидовым. Улыбаюсь, видя, как сияет Галя. Вспоминаю себя, когда оказалась здесь в первый раз. Сидела на папиной шее такая важная, мелкая. А рядом шли мама с Мироном.

– Тебе же понравилось в музее. Я видел, – настойчиво продолжает разговаривать со мной Демидов.

Словно из пулемета опять награждаю его обстрелом своих глаз. Густые брови, длинные ресницы и резко очерченные мужские губы.

Серьезное лицо приобретает чуть ироничное выражение. Черт!

Отворачиваюсь, досадно сжимая зубы. Он смеётся надо мной?..

Не желаю с ним разговаривать.

Ни звука. Ни писка от меня не услышит.

Никогда.

– А вот и я. СЮРПРАЙЗ, – приближается слева знакомый голос, и я вздрагиваю от неожиданности.

Прищуриваюсь.

– А-а-а, – визжу, срываясь с места. – Эма, как я соскучилась. Боже.

Не думая ни о ком, запрыгиваю на Эмиля Алиева и со всей дури обнимаю его руками и ногами. Откидываю голову назад и кружусь, поглядывая на улыбки мимо проходящих туристов.

Пока этот парень не умотал во ВГИК, часто меня подбешивал своими шуточками и нестандартным подходом ко всему на свете. А сейчас так его не хватает, хоть волком вой. Слава богу, Дамир с ним не уехал.

– Юлька, – хохочет друг. – Ты меня раздавишь. Я тоже рад тебя видеть, Гром.

Счастливо орошаю площадь своей улыбкой.

Даже прозвище, которое он мне дал ещё в детстве, больше не раздражает.

Наконец-то сваливаюсь на брусчатку и быстро пробегаюсь глазами по внешнему виду Эмиля.

– Ты что? ЦУМ ограбил? – смеюсь, разглядывая цветастые штаны и такую же куртку. – Или в банку с красками упал?

– Много ты понимаешь, лимита, – шутит подошедший к нам Рудаков. – Это ж коллекция «Времена года». Я так хотел её, но к официальному старту продаж на сайте только носки остались.

Алан задирает джогтеры и демонстрирует, по всей видимости, те самые остатки коллекции.

Закатываю глаза. Ох уж эти современные парни. Брови выщипывают и за модой следят.

Украдкой посматриваю на Демидова, который не сдвинулся с места ни на шаг. По ребрам проходится противная щекотка от свалившегося в душу щемящего трепета.

Ну до чего он идеален?..

Черная парка, классические джинсы и начищенные до блеска ботинки. Думаю, он даже не знает о «Временах года», а если бы услышал, то поморщился и... перекрестился.

Обращаю внимание на свой рюкзак в руках препода. По всей видимости, я его выронила, когда побежала к Эмилию.

Аккуратно отбросив волосы за плечи, медленно иду к нему навстречу, чтобы забрать вещи и в очередной раз за день натыкаюсь на неодобрительную ухмылку.

Вспыхиваю, понимая, к чему он это.

– И не надо на меня так смотреть, – произношу сквозь зубы. – Я буду целоваться и обниматься с кем хочу. Что это за взгляды? Я не ваша девушка.

В равнодушных глазах лишь на секунду полыхают сумасшедшие искры. Протягивая мне рюкзак, Лев Викторович

игнорирует звук своего мобильного и спокойно произносит:

– Если бы ты была моя, Юля... Поверь мне, ты бы вела себя по-другому.

Демидов разворачивается и, поднося телефон к уху, отвечает на звонок, а я так и остаюсь стоять посреди площади с открытым ртом.

Глава 12. Юля

– Зая, умоляю. Ради меня, – Алан смешно привстаёт на одно колено, и я в который раз сталкиваюсь с насмешливо-ироничным взглядом Льва Викторовича. – Ну чего тебе стоит поехать с нами?

Отворачиваюсь, чтобы не видеть лица нашего преподавателя и грустно улыбаюсь.

Людей вокруг становится всё больше. Последние полчаса мы фотографировались и дурачились с Алиевыми, а ещё, открыв рты, слушали Демидова. Он так интересно рассказывал про архитектуру и историю этого места, что я заслушалась.

Оказывается, в старину главную площадь страны называли «Пожар», потому что выстроенные деревянные торговые ряды часто горели.

– Давай с нами, – настаивает Алан.

– Я же рассказывала, – оправдываюсь, – в прошлом году видела новость, целая группа туристов зависла над пропастью на канатной дороге. Весь день они просидели там, с детьми, в тридцатиградусной жаре. А вечером их доставали спасатели, через люк на потолке, и сопровождали на землю по одному в строительной люльке.

– Же-есть, – качает головой Галя.

– С тех пор я не люблю подъемники и канатные дороги, – заканчиваю свою мысль.

За спиной чувствую мятное дыхание и древесный запах туалетной воды, а в моей голове раздаётся знакомый равнодушный голос: «Всё ты врёшь, Юля! Дело не в туристах...».

Резко оборачиваюсь и зло смотрю на Демидова.

– Поезжайте без меня, – предлагаю. – Я найду чем заняться.

Прогуляюсь по магазинам, в конце концов. От новой сумочки ещё никто не умирал в восемнадцать. А мне как раз нужна насыщенно-зелёная. Этот цвет в предстоящем сезоне «весна – лето» трендовый.

Буду самая модная в нашей деревне.

– Гром, ну ты, как всегда, – недовольно проговаривает Эмиль.

– Я не поеду, – говорю ещё увереннее.

– Как нам тебя уболтать, Юль? – улыбается Дамир.

Мотаю головой.

Точно знаю, что в тесном пространстве, да ещё не дай бог, рядом с посторонними людьми буду чувствовать себя не лучшим образом. Воображать себя нормальной и в которой раз наткаться на «грабли», а вернее, паническую атаку, бессмысленно.

– Давайте сделаем так, – Лев Викторович делает шаг вперёд и тут же берёт на себя роль главного.

Своим тёзкой, царём зверей, становится.

Роняю голову на грудь. Это сравнение настолько Демидову подходит, что я даже впервые за полчаса улыбаюсь и вни-

мательно слушаю низкий голос.

– Вы прокатитесь на канатке от Лужников до Воробьевых гор. А мы с Юлей съездим по моим делам. Встретимся в парке через два часа и уже оттуда все вместе поедem в аэропорт.

– Круто, – хлопает в ладоши Мухаметова и, пряча восторг, поправляет очки.

Алан подозрительно на меня смотрит. Сжимает дрожащие ладони в своих руках.

– Ты точно не обидишься, зай? Может, мне с вами поехать?..

– Нет, – уверяю его, пытаюсь унять сердце, словно пытающееся вырваться из груди.

Несколько часов с ним наедине.

Пусть в статусе студентки-первокурсницы, а он общается со мной подчеркнуто вежливо. И вообще, для него это ровным счетом ничего не значит.

Пусть...

Я просто хочу быть рядом. Разве это много?.. Несколько семинаров в неделю – катастрофически мало для такой тупой идиотки, как я.

Да и не нужна мне новая сумка. Терпеть не могу зелёный, а тренды – это кринжово.

– Всё нормально? – склоняется для поцелуя в щёку Эмиль. – Ты уверена, что тебе будет комфортно? – смотрит недоверчиво, даже слегка свысока на Демидова.

Он ведь ему не препод, – думаю про себя. – Имеет право.

– Конечно. Всё хорошо, Эм, – быстро проговариваю. – По-
езжайте, и ни о чем не думайте. Ещё увидимся.

Поправляю волосы и выдерживаю очередной прилюдный
поцелуй Рудакова.

Смотрю ребятам вслед и перевожу осторожный взгляд на
Льва Викторовича. Он исследует меня сверху вниз. Выраже-
ние лица разгадать невозможно, но вроде бы всё неплохо. Не
сдержав робкой улыбки, спрашиваю:

– На метро поедem?

Небрежно мазнув глазами по моему лицу, сжимает зубы
и уставляется в телефон.

– На такси, Юля.

– Такси? В Москве? – усмехаюсь.

– В метро сейчас не легче, – отвечает он недовольно и
награждает меня ещё одним коротким взглядом. – Тебе там
будет некомфортно.

– Ого, – восклицаю еле слышно и, скорее всего, станов-
люсь красной, примерно как стены Спасской башни.

Лев Викторович Демидов думает о моём комфорте. Это
что-то на счастливом.

Улыбаюсь, как дура.

– Пойдём, – говорит он, кивая вперед.

Поправив рюкзак, послушно устремляюсь сквозь толпу,
туда, куда он сказал, а спустя пару минут вздрагиваю от
неожиданного прикосновения в районе локтя.

– Куда ты так втопила, Юля? – слышу над ухом. – От меня

не сбежишь.

– Да я и не пыталась, – пожимаю плечами и замедляю шаг. – А куда мы едем, кстати?

– На встречу с одним суперменом, – отвечает Демидов с усмешкой и тут же становится серьёзным.

Больше со мной совсем не разговаривает. Ни пока ожидаем такси, ни когда пропускает меня первой на заднее сидение, а затем усаживается сам, широко расставив колени.

Пытаюсь успокоиться, сначала рассматривая пролетающие за окнами столичные улицы, а затем пролистывая новости в соцсетях. Внимательно одну за одной читаю записи. Все подряд. От непонятно откуда появившейся в моей ленте новой шашлычной до подробного отчёта об отпуске на Бали наших соседей по посёлку.

Выругавшись про себя, убираю мобильный в рюкзак.

Наверное, ожидаемо, что мы попадаем в пробку. Час-пик в Москве. Как иначе?

Слева от нас притормаживает темно-синяя машина и я сразу же обращаю внимание на сидящую рядом с водителем девушку. Пока восхищенно тяну про себя: «Какая она красивая!», симпатичный брюнет устремляется к ней и жадно целует в губы.

Вспыхиваю от стыда, потому что сегодняшний целомудренный поцелуй Алана вдруг кажется детским лепетом в начальной школе. Полнейшее ощущение, что эти двое в соседней машине занимаются сексом через рот, а я промышляю

вуайеризмом в присутствии Демидова.

Последний, кстати, следя за моим взглядом, тоже уставляется на пожирающую друг друга парочку. Идеальные черты лица с отвращением кривятся, но когда парень с неохотой отрывается от девушки и случайно обращает внимание на нас, Лев Викторович спокойно ему кивает и... улыбается.

– Вы что? Знакомы? – удивляюсь.

– Да, – коротко отвечает он и, в отличие от меня, больше не обращает внимания на влюблённых.

В соседней машине же заметное оживление.

Молодой человек будто нервничает, костяшками пальцев постукивает по рулю, хмурится, а девушка становится грустной и обескураженно отворачивается в нашу сторону.

Встречаюсь с ней взглядом и тепло улыбаюсь подбадривая. Ну почему мужчины бывают так грубы с нами?..

– Вы их смутили своей реакцией, Лев Викторович, – замечаю тихо. – Что здесь такого? Люди любят друг друга. Любить не стыдно.

Демидов раздраженно проходится взглядом по моим ногам и тяжело вздыхает:

– Видимо, в силу возраста, ты слишком романтичная, Юля и всё не так понимаешь. За рулём этой машины – мой приятель Макс Данилов. Наши отцы дружат, а мы общаемся постольку-поскольку. Без понятия кто эта девица рядом с Максом... но его невесту Стефанию знаю отлично и заранее приглашён на их свадьбу.

Шокировано округляю глаза и ещё раз, уже не стесняясь, смотрю на парочку.

Чужой жених? Интересно, а девушка-то в курсе? Поэтому такая печальная? Борюсь с противным чувством в груди, уж слишком напоминающим жалость, которую сама не люблю.

Светофор наконец-то загорается разрешающим сигналом, и Данилов дерзко стартует с места первым, оставляя наше такси и моё бесцеремонное любопытство позади.

– Никогда не верь тому, что видишь, Юля. Сколько можно тебе повторять? – проговаривает Демидов назидательно и отворачивается к окну...

Глава 13. Юля

– Купим кофе? – робко улыбаюсь незнакомому молодому человеку в небольшом павильоне, напоминающем по форме стаканчик, и обращаюсь к Демидову.

Он кивает, расстегивает замок на куртке и извлекает из внутреннего кармана кожаный зажим для денег. Посмеиваясь в рукав и, чувствуя себя крайне невоспитанной особой, неуклюже откашливаюсь.

Все мои ровесники, в общем-то, как и я сама, оплачивают покупки с помощью телефона или кюр-кода.

«Наличные деньги» в наше время – практически архаизм, но Лев Викторович ещё тот динозавр, оказывается. А я впервые в жизни близка к тому, чтобы стать палеонтологом.

Моё настроение с каждым мгновением становится всё смешливее. Мы приехали в небольшой скверик в центре Москвы всего десять минут назад, гораздо раньше, чем планировалось, поэтому ближайшие полчаса судя по прозвучавшему брутальному бурчанию, будем «гулять». Он сам так сказал.

Облизываю губы, гоняя в голове мысли, как бы мне начать незатейливый разговор и сразу иду в бой:

– Хотите угадаю, как вы любите?

– Что-о? – взмахнув бровями, Демидов удивленно уставляется на меня. – Ты о чем?

– Кофе, – киваю на киоск. Выдерживаю на себе внимательный взгляд и нервно сглатываю слюну.

– Ааа, – почесывает он подбородок и устало вздыхает, переминается с ноги на ногу. – Это что обязательно?

– В смысле?

Парень за прилавком словно за игрой в пинг-понг наблюдает. Переводит взгляд на каждого из нас по очереди.

– Ну... нельзя просто выбрать кофе и молча походить здесь где-нибудь... по окрестностям? – озирается Демидов.

Синие глаза излучают снисходительность и в целом он, как ни странно, позитивен, поэтому я не обижаюсь. Щеки вспыхивают, как светофоры, когда я замечаю, что Лев Викторович снова смотрит на мои губы.

– Может, вы просто опасаетесь, что я окажусь права?

– Валяй, – пожимает он плечами и кивает на вывеску.

– Мне кажется, вы любите Глясе, – пожимаю плечами, глядя на шарик мороженого в чашке с кофе. Лёд должен любить мороженое.

– Почему? – усмехается.

– Не знаю. Но точно не Эспрессо и не Американо.

– Вот как...

– Да, – улыбаюсь продавцу, понимая, что мы его задерживаем. – Хотя в целом они вам подходят. Эти напитки предпочитают прямолинейные, консервативные люди с сильным характером.

– То есть я не такой, Юля?

– Такой, конечно, – закатываю глаза. – Но чувствую, что это слишком просто для вас.

Демидов забрасывает ладони в карманы парки. В отражении витрины вижу, что на его лице отпечатывается запускающийся в голове мыслительный процесс.

– Капучино? – приподнимает брови и с интересом смотрит на меня.

Поворачиваюсь к нему, прищуриваясь, потому что непонятно откуда взявшийся в серой Москве луч солнца ударяет в глаза. Боже. Того и гляди Айсберга мне растопит.

– Капучино с пенкой, – рассуждаю. – Это люди легкие на подъем, воздушные, мечтающие. Простите, – прикрываю рот ладонью. Привычка, оставшаяся с «брекетных» времён. – Но вы, Лев Викторович, на мечтателя не тянете.

– Латте?.. Нет?..

– Латте, – склоняю голову. – Тоже не вы.

– Опять недотянул?

– Да нет, – закатываю глаза. Какой он смешной, оказывается, когда в себе сомневается. – В Латте много молока, это люди, у которых тесная связь с мамой, – потупляю взгляд. – Например, я.

Его плечи каменеют лишь на несколько мгновений, но я и это успеваю заметить.

– Удивила, Юля, – произносит он сипло и снова отворачивается к меню. – А если я закажу банановый раф, ты скажешь, что это в честь моих предков, которые сидели на де-

реве и чесали от безделья волосатое пузо?

– Не-ет, – возмущенно проговариваю.

Молча наблюдаю, как он извлекает тысячную купюру и аккуратно укладывает её на прилавок.

– Мне чай, будьте добры. Черный и без сахара. Без надписей, молока и бананов, пожалуйста. А девушке Латте.

– С сахаром, – киваю. – Лев Викторович, давайте я переведу вам деньги за кофе.

– Спасибо, оставь это в качестве платы за молчание.

– За молчание?

– Да. Никому не говори про моих предков, – произносит серьезно.

– Да хватит, – машу рукой.

– Мы сейчас пойдем вот туда, – указывает в сторону вычищенной от прошлогодних листьев дорожки. – Будем пить кофе и чай, идти вперед. И молчать, Юля. Мол-чать. Во что бы то ни стало. Чтобы ты ни услышала. Это ясно?..

– Ладно, – забираю свой стаканчик и грустно вздыхаю. – Спасибо за кофе.

Следующие двадцать минут мы действительно молча гуляем.

Я гордо задираю подбородок всякий раз, когда мне отчаянно хочется чем-то с ним поделиться. Например, тем, как на улице внезапно потеплело или насколько в этом небольшом сквере всё продумано: и для велосипедистов дорожки есть, и для пенсионеров и мамочек с колясками – лавочки.

Даже телефон зарядить можно в специальном автомате.

Вот она московская цивилизация.

Демидов же будто проваливается в свои мысли. Меня абсолютно не замечает, хоть хнычь. Так и не воспользовавшись крышкой, осторожно отпивает свой горячий чай из стаканчика и невозмутимо вздыхает. Смотрит прямо перед собой, кажется тем, кем и является: неподвижной ледяной скалой... Но ровно до того момента, пока я не замечаю движущегося к нам навстречу человека...

Его отца.

До назначения на высокую должность в столице, бывшего мэра я видела лишь дважды, но всё равно сразу же узнала. Потому что они похожи, как и полагается близким родственникам.

– Добрый день, – проговаривает мужчина сухо.

– Здравия желаю, – спокойно отвечает ему сын, словно не замечая, как отец недовольно морщится.

– Похвально, что ты решил встретиться. Только не понимаю, зачем теперь?

От того, насколько равнодушно разговаривает родитель с собственным сыном, я вжимаю голову в плечи и пытаюсь казаться незаметной.

– Надеюсь, ты не думаешь, что мне от тебя что-то нужно? Просто решил тебя увидеть.

После признания, произнесенного бархатым голосом, следует звенящая тишина. Они смотрят друг на друга в упор.

– А это кто? – равнодушно кивает на меня Виктор Андреевич.

Робко высовываюсь из-за широкой спины, чтобы разглядеть поближе старшего Демидова. Мужчина представительный, лет шестидесяти, в строгом пальто и классическом костюме. Вполне обыкновенный.

– Это моя студентка. Чужой человек. Будь аккуратнее в выражениях, – отвечает Лев Викторович отцу.

У меня от лица кровь отливает. «Чужой человек». Чужая я ему...

Вот как он меня классифицирует?..

– Здравсьте, – приветливо улыбаюсь и тут же отворачиваюсь, пряча обиду за стаканчиком с кофе.

Украдкой, конечно, поглядываю за мужчинами и навестряю уши. Они так похожи. Правда, отец вроде ещё заморозеннее. Разве папы могут быть такими? Мой хоть и серьёзный, но добрый, внимательный, с любовью во взгляде. А у Демидова старшего глаза дохлой рыбы. Какого-нибудь карпа. Мёртвые и пустые.

– Студентка, – морщится сенатор. – Кто тебе студентов-то доверил? У Арсеньича вашего совсем крыша поехала? Или ректорское кресло жмёт?

– Вот и встретились, па-па, – отвечает ему сын насмешливо.

– Я тебе сказал. Чтоб с Морозовыми мне ничего не испоганил. Понял? Сделай в жизни хоть что-то полезное.

Быстро встряхиваю волосами, приосаниваюсь и не выдержав, бойко выпаливаю:

– Зря вы так про сына. Он у вас просто замечательный. Я бы даже сказала самый лучший.

– Лучший? – издевательски смеется мужчина, щелкает пальцами и снова внимательно на меня смотрит. – Как твоя фамилия, девочка?

– Моя...

– Заткнись, Юля, – хрипит Лев Викторович и больно хватает меня за локоть.

От возмущения сама превращаюсь в карпа, только на этот раз в самого-присамого живого и активно хлопаю ртом.

– Рано встретились, пап. Всего хорошего. Пашке привет передай.

– Ты издеваешься? Выдернул меня с доклада. Для чего? – кричит сенатор нам в спину. Его голос разлетается по всему скверу. – Сам тунеядец и меня туда же?.. Дал же бог сыночка. Весь в свою мать-потаскуху...

Ахаю от смысла сказанных слов. Ужасных, чудовищных. Боже. Разве можно так с родным сыном?..

Бравада Виктора Андреевича продолжается. До самого выхода на нас оглядываются случайные прохожие и это невероятно бесит.

Быть в центре внимания – не моя история.

– Да отпустите вы, – вырываю локоть и всхлипываю от боли. – Чуть руку мне не свернули.

Пытаюсь привести конечность в чувство, разминая. А ещё успокоиться.

– Ты больная? – нависает надо мной Демидов.

В глазах – животная дикость и такая разрушающая волна гнева, что всё моё негодование этим штормом смывает. На смену приходит липкий страх, он заставляет сжаться всем телом.

– Я больная? Да что я сделала-то? – оправдываюсь.

– Что ты сделала? Зачем полезла со своими умозаключениями? Кто тебя просил? Кто всё время тебя просит ошиваться со мной рядом?..

– Да не ошиваюсь я.

Смертельная обида закупоривает сосуды. Дышать не даёт. С ним просто невозможно оставаться спокойной. Вот только что он свысока шутил со мной возле киоска с кофе, а сейчас обвиняет в домогательствах?..

– Что мне сделать, чтобы больше никогда тебя не видеть? – выплевывает Лев Викторович со злобой. Лицо искажается и кривится, скулы темнеют. – Скажи мне?

– Да пошли вы, – наконец-то вырываюсь, разворачиваюсь и бегу куда глаза глядят...

Лишь бы от него подальше.

Глава 14. Юля

– Долго ещё? – тихо спрашивает Лев Викторович, поглядывая на часы.

– Скоро подъедем, – отвечает таксист вежливо. – Вам ещё повезло, что я пути объезда знаю. Стояли бы до завтрашнего утра.

– Повезло, – бурчит Демидов.

Чувствую на себя тяжелый взгляд, но продолжаю пристально смотреть в своё окно.

Далеко я от сквера не убежала. Быстро пришло осознание, что без него я вряд ли тут что-то найду. А общаться с незнакомыми людьми – ещё хуже, чем с этим ненормальным. Даже несмотря на то, что он вылил на меня ведро с помоями и даже не извинился до сих пор.

– Ребята с тобой не связывались? – спрашивает он спокойно.

– Связывались, – отвечаю равнодушно.

Уши напрягает противный писк поворотника. Хочется оказаться далеко-далеко.

– У них всё в порядке?

– Да.

Наконец-то создается тишина, которую тут разрезает мужской трудный вздох.

– Хорошо, Юля, – произносит он тихо.

Ещё больше отворачиваюсь от него, давая понять, что общаться я не намерена, и легонько дую на стекло, а потом пишу пальчиком своё имя и разглядываю его, словно могу узнать что-то новое.

После произошедшего с нами два года назад я не хотела никого видеть. Отказывалась выходить из дома. Даже с Мией и Мироном не общалась.

Было стыдно, горько, тошно. Внутренности каждый раз выворачивало от накатывающего чувства вины. До хрипоты обидно, что я оказалась такой дурой и попала в тот дом. Возможно, случись это сейчас – вела бы себя по-другому. Но мне было шестнадцать.

Я росла крохотным, задиристым птенцом, который случайно выскользнул из гнезда и осознал, что такое лес, полный опасностей. Жестокий лес.

Не знаю, по своему ли желанию к нам в дом часто начал приезжать Демидов?..

Сейчас не покидают сомнения – может быть, его папа мой надоумил? Отец тогда что только не пробовал. Психолог, клиника, друзья, отпуск – все попытки были напрасными.

А когда Лев Викторович проявил ко мне дружеский интерес, я воскресла. Действительно, начала забывать ту ночь. Потихоньку стала почти что прежней. С оговорками, конечно.

А потом он уехал. Как раз начался новый учебный год, поэтому я быстро переключилась на десятый класс. Тем бо-

лее, Демидов сам заверил меня, что никогда в жизни больше не вернется в наш город.

Эгоистично, но так мне было легче.

Знать, что никогда его не увижу...

Я просто начала жить дальше.

Единственное, за что мне немного стыдно – это моё поведение в то время. Его общение я восприняла как что-то большее и возможно была надоедлива.

Закатываю глаза от раздражения на саму себя.

Совершенно точно была.

Ничего особенного. Я не вешалась на него и ни в коем случае не приставала. Слишком хорошо воспитана для этого. Просто меня было много, а Демидов не очень и возражал. Наше общение было чужаковатым хотя бы потому, что мы часто просто молчали. Я была не очень болтлива в силу психологической травмы, он – в силу дурацкого характера.

Мотаю головой.

Прошло два года.

Сейчас, видит бог, я больше за ним не увиваюсь. И его обвинения удивительны.

– Приехали, – слышу бодрый голос водителя.

Молча выбираюсь из машины и, надев рюкзак, складываю руки на груди. Украдкой наблюдаю, как мой спутник застегивает куртку, закрывая горло от ветра.

– Нам туда, – кивает Лев Викторович.

Дождается, пока я начну движение и невозмутимо сле-

дует за мной. До канатки добираемся довольно быстро, молча. Вокруг довольно много людей, это немного ослабляет напряжение между нами.

– Юль, погоди, – говорит он, ухватываясь за мой локоть.

– Что? – поворачиваюсь, освобождая руку.

Демидов внимательно изучает моё лицо и немного потереянно озирается по сторонам, словно говорить ему сложно.

– Прости. Я не должен был срываться на тебе. Ты стала очевидцем сцены, у которой я бы не хотел свидетелей. Поэтому разозлился и вывалил всё это на тебя.

Киваю еле заметно.

– Я не преследую вас, – сужаю подозрительный взгляд.

– Я знаю.

– Вы сами настаивали, чтобы я здесь оказалась. Поездку я не планировала и не хотела. Ехать вместе с вами на встречу с вашим отцом – тоже ваше предложение.

– Я знаю, Юля, – повторяет он.

– Если уж кого-то обвинять так это вас. Немного не понимаю – зачем вам все это? – начинаю заводитьсь.

– Что? – теперь его очередь насторожиться.

– Ну вот это, – размахиваю руками. – Ты поедешь в Москву, Юля. Ты будешь участвовать в конкурсе. Ты должна... – пародирую его низкий бас. – Может, это вы меня преследуете, Лев Викторович?

– Я тебя преследую?.. Ага, – горько усмехается и, подцепив меня за локоть, отводит в сторону, потому что прямо на

нас несется парень на самокате.

– Ну да, а что смешного? – продолжаю сканировать широкое лицо.

– Потому что это бред.

– Тогда зачем это всё? – смотрю ему в глаза и вымученно спрашиваю.

– Я не для того... – хмурится, ругается и сжимает кулаки. – Чёрт. В общем, хочу, чтобы ты жила, Юлька.

– Я и живу.

– Не так, а обычной жизнью... Как все подростки.

– Подростки? – морщусь. – Это как?

– Не знаю, – качает он головой и перечисляет. – Ничего не боялась, спокойно путешествовала, с парнем со своим встречалась, любила! Жила!

– С парнем? – пытаюсь унять дрожь в ладонях.

Я, конечно, знала, что ему всё равно, но слышать это не приятно и грустно. Как бы я ни старалась изображать безразличие.

– С парнем, – подтверждает Лев Викторович хладнокровно. Сжимает резко очерченные губы. – Живи и радуйся, Юля. Хватит цепляться за прошлое.

Резко отворачиваюсь, слыша знакомые голоса.

– Ой, а мы вас ищем, – устало сообщает Галя.

– Зай, ты как? – Алан обнимает меня за плечи и целомудренно целует в лоб, а затем и в губы.

Отвечаю на поцелуй, чтобы просто отвлечься от сказан-

ного Демидовым.

Жить, значит?

– У меня предложение, – прищуривает мой парень и обводит взглядом всех присутствующих. – А давайте останемся сегодня здесь? Поменяем билеты на завтра, я посмотрел, оплата небольшая. Гостиницу забронируем. Покутим как следует. Чё нам в своей деревне делать? А?

– Блин... – сокрушается наша староста.

– Твои расходы беру на себя, пролетариат, – шутит Алан и снова смотрит на меня. – Давай останемся, Юль? Побудем вместе? А?

Крепко меня обнимает, впечатывая в своё тело. Внутри становится страшно холодно.

Вздрагиваю, но при этом улыбаюсь.

Жить, значит?

– Плохая идея, – слышу я сзади ультимативный голос. – Я против.

– А давай, – отвечаю Рудакову, больше не замечая Демидова за спиной. Хватит с меня. – Давай останемся, Алан. А кто не хочет, вполне может улететь сегодня.

Глава 15. Юля

– Завидую иногда Алиевым, – выговаривает Алан, чуть-чуть грустно вздыхая. – Что бы ни случилось, они всегда есть друг у друга.

Братья только что уехали. Эмиль живёт недалеко от института в квартире Алиевых. Остаться в гостинице Дамик не захотел.

Мы неплохо провели день. Гуляли по набережной, потом зашли в кафе поужинать. Много смеялись и болтали.

– Да, это здорово, – отвечаю, прикрывая рот и зевая. – Но Дамик с Эмом не всегда были дружными. В девятом классе влюбились в одну девчонку и почти год не разговаривали.

– И как потом помирились? – ахает Галя.

– А она уехала из города. Уж не помню куда, но родители братьев тогда выдохнули, а в семье поселился долгожданный мир.

В лобби-баре гостиницы приглушенный свет и обстановка располагает к таким душевным беседам. Пусть внутри немного беспокойно, особенно после звонка родителям. Пришлось долго объяснять им, что решение остаться полностью моё и Алиевы тоже остаются.

Рудаков придвигается и обнимает крепче. Чем быстрее приближается ночь, тем его объятия становятся откровеннее, а я... смотрю напротив всё отчаяннее. Смотрю на растя-

нувшуюся в кресле здоровенную фигуру зависающего в телефоне Демидова.

Естественно, наш Айсберг никуда не улетел. Он ведь такой исполнительный и правильный, считает, что, если мы прибыли в Москву вместе – уезжать должны тем же составом.

– Я вот один в семье. Раньше, казалось, классно – все плюшки мне, даже наследство в случае чего, – горько усмехается Алан, – а сейчас жалею.

– А у меня сестренка младшая есть, – делится Галя смущенно.

– Сколько ей? – включаюсь в разговор со своей соседкой по комнате.

В гостинице, выбранной Демидовым, мы сняли три номера. Один для нас с Галей и два отдельных – для Льва Викторовича и Рудакова.

Правда, Алан надеется, что я буду ночевать с ним. Но... в общем, ещё не решила.

– Иришке только пять, – улыбается наша староста. – Я по ней очень скучаю, хорошо хоть видеосвязь спасает. Мы с ней по вечерам болтаем. Лев Викторович, а у вас есть кто-нибудь? – открыто спрашивает.

Слежу за тем, как синие глаза лениво поднимаются и первым делом фокусируются на моем лице, а затем обводят взглядом всех присутствующих.

– Что? В каком смысле? – хмурится.

Он что нас не слушает?.. С Морозовой переписывается?..

– Ну, мы обсуждаем есть ли у нас братья или сестры, – продолжает Галя. – У Алана нет никого, у меня вот... Иришка. У Юльки есть Мирон, его все знают.

– Кто бы сомневался, – закатывает глаза Демидов и я усмехаюсь, но когда вижу, что он засекает, резко делаю лицо серьезным.

Черт.

– А у вас, Лев Викторович?

– Пашка, брат. Десять лет, – получается это ему он передавал привет в разговоре с отцом?..

– Ой, как здорово, – Галя машет руками. – Вы близки?

Демидов склоняет голову и трудно вздыхает, а потом резко поднимается.

– Я пойду, – произносит равнодушно, снова бросая взгляд на нас с Рудаковым. – Сбор на завтраке. В девять. Надо успеть добраться в аэропорт.

Лихорадочно сминаю салфетку. Вот и всё.

Он уходит.

Ему действительно всё равно. Буду ли я ночевать с Аланом или одна? Да хоть вообще в номер не приходи.

– Я что-то не так сказала? – спрашивает Мухаметова, поглядывая на удаляющуюся широкую спину. – Блин, теперь зачет мне не поставит.

– Не переживай, – успокаиваю её. – Он даже не вспомнит.

– Думаешь?

– Развал, девчонки, – произносит Алан потягиваясь. – Ты ведь ко мне? – обращается уже ко мне.

Решение принимаю молниеносно. Киваю. Галя тактично молчит и когда все вместе поднимаемся на второй этаж, прощается.

Мы же заходим к Рудакову и быстро скидываем обувь. Пока я скрываюсь за дверью ванной комнаты, Алан, небрежно скинув покрывало на пол, расправляет постель.

– Иди ко мне, зай, – тянет меня за руку.

Просто не верится, что сейчас всё случится... Ноги подкашиваются от волнения.

Опускаюсь на простыни и стараюсь думать о чем угодно.

Боже. О чем угодно, лишь бы не о чужих руках на моём теле, которые раздевают... и касаются в самых разных местах.

Это пытка, которая снится мне каждую ночь. Пытка, которую много раз пытались вытравить из моего сознания. Гипнозом, аффирмациями, психоанализом.

Я не люблю прикосновения в темноте.

Не выношу запах перегара.

А ещё когда меня окружают сразу несколько мужчин.

И черт возьми, в данный момент я прикрываю глаза от бессилия, потому что в этой комнате нет ничего из перечисленного.

Рудаков здесь один. Он трезв. В номере горит приглушенный свет, и мы вроде как шли к этому давно. Почему же я

не могу расслабиться?

Почему?..

Проворные пальцы одну за одной расстегивают пуговицы на моей кофточке. Когда добираются до последней, ладони ныряют под неё и разводят тонкую ткань по сторонам.

Задерживаю дыхание.

– Ты такая красивая, Юлька, – шепчет Алан, рассматривая атласный лиф шоколадного цвета и впалый живот.

Закидывает руку за плечо и тянет футболку наверх. Сняв, отшвыривает в сторону.

Молча изучаю обнаженную грудь, абсолютно ровный, идеальный пресс и резинку желтых трусов, выглядывающую из-под пояса джинсов.

– Снимем это? – спрашивает он, указывая на лиф.

– Попозже, – шепчу, облизывая пересохшие губы.

– Окей, малышка, как скажешь, – улыбается Алан сексуально, чешет выбритую наполовину бровь и склоняется над моим лицом.

Опускаю взгляд, замечая внушительный бугор в паху. Где взять сил на это всё?..

– Хочу тебя целовать, – говорит он, касаясь губами моей щеки. – Можно?

Киваю и сама его целую. Первая. Глаза держу открытыми, потому что единственное чего сейчас не хочу – представлять другого. Или других...

Сначала всё идет хорошо. Мне даже приятно. Ощущение,

что начинаю плыть по волнам и всё больше раскачиваюсь, а солнце сверху припекает, припекает... М-м-м.

Кажется, наконец-то успокаиваюсь.

Губы у Рудакова теплые и вкусные, изо рта не пахнет. Не дай бог, вообще-то. Целовалась я однажды на свидании с парнем, которому потом с умным лицом посоветовала проверить пищеварительную систему. Что-то там явно было не так.

Обнимаю шею Алана и пальчиками вспахиваю короткий ежик на голове, затем робко оглаживаю лопатки. Неожиданно перенесенный на меня вес его тела встречаю сравнительно стойко, но снова чуть напрягаясь внутренне.

Живи, живи, живи.

Это секс. Все им занимаются. Даже мопсы, черт возьми.

– Разведи ноги, малыш, – шепчет Алан, дыша, как паровоз. Ещё не понимает, что тремя словами выколачивает воздух из моих лёгких и совершает роковую ошибку.

Вспышка.

Мои зрачки расширяются, а нутро горячим паром обдаёт. Тело становится натянутым, как струна.

В глазах ужасающее пламя. «Противопожарные» системы организма стремительно мобилизуются и словно из брандспойта стреляют первые, обжигающие роговицу слезы.

Стоп. Упираюсь в жёсткие плечи и резко отталкиваю Рудакова от себя. Нет.

Это. Просто. Невозможно.

Соскакиваю, всхлипывая и утирая щёки тыльной стороной ладони. Судорожно управляюсь с пуговицами как придётся.

— Да что не так? — непонимающе узнаёт Алан, поднимаясь с кровати вслед за мной. — Зай, я стараюсь быть ласковым. Что случилось? Можешь мне сказать?

Если бы я знала.

Лев Викторович мне приказал жить.

«Живи, Юля».

Твою мать, проклятый Айсберг.

Разве это так просто?

Разве можно жить, когда внутри всё выжжено дотла? Разве можно жить, когда душу утрамбовали и там... в сердце гробовая тишина?

Да-да, его душа заморожена. А моя мертва.

Мертва.

Есть ли в трупe хоть что-то живое? Это также противостоит естественности, как если бы Лев Викторович вдруг решил участвовать в конкурсе «Самый жизнерадостный человек на планете».

— Прости, — проговариваю тихо. — Я не могу, Алан. С Галей переночую.

— Блядь. Пиздец какой-то.

Рудаков скидывает с тумбочки лампу и телефон. Не обращая внимания на поток нелестных эпитетов, хватаю рюкзак и выскальзываю из номера.

В длинном коридоре, как в тоннеле, пусто и жутковато, потому что одна из лампочек, размещенных в светильниках на стенах по обе стороны, мигает от неисправности.

А что мне терять, в общем-то?..

Целенаправленно прохожу свой номер и направляюсь к восемнадцатому.

Долго изучаю покрытые золотой краской цифры. Мне, как фанату игры в лото, они сейчас кажутся как никогда символическими.

Протягиваю ладонь и, сжав её в кулак, стучу.

В ночной тишине раздаются тяжелые шаги, а затем дверь открывается, а в лицо мне бьёт яркий свет.

Лев Викторович нахмуривается и удивленно задирает брови. Быстро пробегаюсь глазами по взлохмаченным волосам, расстёгнутой до середины груди рубашке, ослабленному ремню на джинсах и босым загорелым ногам, а затем завороченно слежу за его взглядом, который обвиняюще останавливается в районе моей груди.

Черт. Прикрываю её рюкзаком, потому что в агонии пропустила одну петельку.

Снова смотрю на Демидова, вырисовывая на строгом, красивом лице незамысловатые линии.

Только не гони меня. Умоляю.

– Что случилось? – нарушает он тишину первым.

– Всё хорошо, – выдыхаю, сильнее стискивая лакированную кожу.

Озираюсь виновато. Если сейчас в коридор выйдет Мухометова или Рудаков я ведь со стыда сгорю.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает он преподавательским тоном.

Обращаю внимание на то, как его пальцы сжимают дверь, и безбожно краснею.

– Кажется, я знаю, как решить проблему, Лев Викторович...

– У меня нет проблем, Юля. Ты ошиблась.

– Вы же сами спрашивали, что вам нужно сделать, чтобы никогда больше меня не увидеть?..

Глава 16. Юля

Прохожу мимо него, так и не дождавшись приглашения, и сваливаю на пол свои вещи.

– Подними манатки и иди к своему мальчику, – говорит Демидов с явным пренебрежением.

Морщусь от величия в его голосе. Считает себя высшим классом, но меня его высокомерие не трогает.

Я-то тоже в себе уверена.

Озираюсь и лыблюсь от того, какой вокруг тошнотворно идеальный порядок. Кровать расправлена, но покрывало сложено ровным квадратом и размещено на подоконнике. Телефон, ключ от номера и контейнер для линз аккуратно составлены на тумбочке. Если в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.